

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

ПО НАКЛОННОЙ

БИБЛИОТЕЧКА «НА СТРАЖЕ ЗАКОНА»

ПО НАКЛОННОЙ

Лениздат
1987

Составители библиотечки:

В. А. Беляков,

М. Е. Скрябин

Уважаемые читатели!

Издательство «Лениздат» и оргкомитет Ленинградского регионального совета правоохранительных органов, учреждений науки, культуры и средств массовой информации в целях изучения общественного мнения по освещаемым в сборниках библиотечки «На страже закона» вопросам и проблемам ждут ваших писем по адресам: 191023, Ленинград, наб. р. Фонтанки, 59, Лениздат, и 190000, Ленинград, ул. Якубовича, 4, оргкомитет Ленинградского регионального совета.

Ваши советы и пожелания будут учитываться при подготовке последующих сборников.

КОЛЛЕКТИВ И СТЯЖАТЕЛИ: ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

Оргкомитет Ленинградского регионального совета учреждений права, науки, культуры и средств массовой информации и Лениздат, изучая общественное мнение, откликаются на него в сборниках библиотечки «На страже закона», а письма о нарушениях закона направляются в соответствующие инстанции для принятия мер. Публикуем, например, ответы прокуроров Выборгского и Фрунзенского районов Ленинграда:

«Проверкой по направленному нам письму гр. Петровой выявлено, что продавец Б. магазина № 7 систематически обвешивает покупателей. По данному факту возбуждено уголовное дело», «Прокуратурой района предъявлены иски о взыскании с Д. незаконно полученной суммы в размере 365 р., а также о выселении ее с занимаемой жилой площади. Направлена информация в РУВД для взятия на контроль некоторых адресов, где возможна сдача в поднаем жилой площади с целью извлечения нетрудовых доходов» (эти меры приняты в связи с письмом граждан о том, что хозяйка двухкомнатной квартиры Д. в доме ЖСК длительное время сдавала жилплощадь ради наживы).

Получены ответы и на многие другие сигналы.

Вот два новых письма.

Письмо первое: «У меня да и у других сложилось впечатление, что правоохранительные органы любят ловить «мелкую рыбешку», а «акулы» порой спокойно залезают в карман государству, действуют нагло, почти открыто. Хотелось бы пожелать нашим правоохранительным органам вылавливать сначала «акул», а потом уже всякую «мелочь». И сражаться надо с жуликами так, как сражался Ф. Э. Дзержинский с контрреволюцией. С уважением Алексей Яковлевич Китков».

Письмо второе: «Пишет вам рабочий К. (указаны фамилия, инициалы, адрес, место работы. — *Прим. автора*). Только что прочитал книжку «Обжалованию не подлежит» из библиотечки «На страже закона». Книжка своевременна, о многих вещах задумываешься вновь и вновь... К сожалению, в на-

шем коллективе есть люди, подобные градусовым, амелиным, лоховининым...» Сообщая о злоупотреблениях на предприятии, автор связывает их с нездоровой обстановкой в коллективе, с позицией администрации, которая не считается с мнением трудящихся, покровительствует пьяницам и жуликам, а честных работников, выступающих против этого, шельмует. «У нас часты отступления от требований гласности, справедливости, распространяются всевозможные слухи, нарушается дисциплина, большая текучесть кадров».

Сопоставим эти письма с документальными материалами сборников «И снова — несуны», «Обжалованию не подлежит» и других и посмотрим, какая же почва питает извлечение нетрудовых доходов, как начинается путь по наклонной. Не каждая «мелкая рыбешка» превращается в «акулу», но каждая «акула» вырастает из малька.

С чего началось падение бывшего директора хозрасчетного предприятия вагонов-ресторанов «волевого, железного Градусова», бывшего директора продуктовой базы, снабжавшей детские учреждения, «страшного человека Кошуриной» и сменившего ее на этом посту «милого Эрика Южакова»? С безделицы, полуподарка-полувзятки: бутылка коньяка, дамская сумочка... В своем хваленном «умении жить» они не остановились, не опомнились, а жадно стали урывать сотни, тысячи, десятки тысяч рублей. А вокруг них, в мутной воде, сокрытой от глаз людских, резвилась, нагуливала жирок на хищениях и взятках прожорливая челядь — «рыбы-прилипалы», «рыбы-лоцманы».

Почему очерк о взяточнике Градусове в сборнике «Обжалованию не подлежит» мы назвали, казалось бы, так прозаично-буднично «Когда коллектив молчит...»? Потому что именно в трудовом коллективе — основной ячейке нашего общества — сходятся в эпицентр многие проблемы. Читатель К. безусловно прав: существует глубинная связь между состоянием коллектива и уровнем борьбы в нем с нетрудовыми доходами и другими антиобщественными явлениями.

Если в коллективе нарушаются нормы справедливости, гласности, подавляется полезная творческая инициатива, замалчивается передовой опыт, поощряются подхалимы-молчуны, добру и злу внимющие равнодушно, а шельмуются честно работающие на своем месте люди, то диагноз ясен: коллектив серьезно болен, раздроблен, низка его роль в управлении предприятием. Здесь — благоприятная почва для нарушений норм закона, нравственности, социалистического образа жизни, благоприятная среда для обитания «акул». Одновременно это свидетельствует и об ослаблении влияния партийной организации.

Процессы происходящих в стране революционных преобразований ясно высвечивают действительное положение дел в каждом трудовом коллективе. Товарищам по работе видно, кто настоящий боец за ускорение социально-экономического развития, кто выжидающий или равнодушный наблюдатель, а кто и фактический противник перестройки, прячущийся за демагогической фразой. Наше время — время действий. Медлить нельзя. Поэтому благодушие при неблагополучии в коллективе опасно. Надо научиться распознавать признаки бедствия и выправлять положение.

Ослабление роли трудового коллектива в управлении может вызываться разными причинами и условиями. Мы скажем в основном о тех, которые ближе к направленности нашей библиотечки «На страже закона». Проследим на примерах из документальных очерков, как относились к единству и роли коллектива те, кто, злоупотребляя служебным положением, совершал преступления и кого читатели причисляют к так называемым «акулам», — градусовы, кошурины, южакovy, лучковы, зубковы и другие.

Главным препятствием для свободы их преступных действий по извлечению нетрудовых доходов были окружавшие люди, работающие, принципиальные. Сильные прежде всего своим единством — объединением в здоровый, сплоченный коллектив, способный реально, в полном объеме осуществлять большие полномочия, предоставленные ему Законом СССР о трудовых коллективах. Вот почему «акулы», пробравшись на командные посты, начинают завуалированную атаку на коллектив, используя клевету и сплетни, науськивая людей друг на друга, способствуя тем самым возникновению враждующих между собой группировок. В такой искусственно созданной и подогреваемой междоусобице «акулы» стремятся поодиночке расправиться с теми, кто осмелится препятствовать их злоупотреблениям. Ратуя с трибуны за порядок, дисциплину, личную ответственность за дело, а фактически сохраняя в определенных пределах безучетность, сумятицу, параллелизм, расплывчатость служебных функций у подчиненных, когда «отвечают все и никто», можно выбрать по своему усмотрению и «козлов отпущения».

Не случайно именно в такой обстановке половинчатости, «в мутной воде» легче было «рыбу ловить» на базе у Кошуриной и Южакова, на предприятии у Градусова, в магазине у Лучковой, в столовой у Зубковой. Порядок, дисциплину и учет они продуманно установили в таких формах и пропорциях, в каких это обеспечивало им безопасность и видимость благополучия на предприятии при составлении отчетов и на случай ревизий.

Одновременно, без афиширования, они заботливо сохраняли «белые пятна» в своей системе, не контролируемые никем «щели», особенно в учете и хранении, пользуясь которыми совершали преступления. Но на высоком уровне налажены были у них учет и дележка похищенного и взяток, «порядок» операций по злоупотреблениям, «дисциплина» — в смысле беспрекословного подчинения машинатору — Хозяину и железной круговой поруки среди соучастников преступлений. Поэтому они под любым предлогом уклонялись от конкретных предложений, реально улучшающих организацию труда и управления, надежно повышающих дисциплину и порядок, действовали прежде всего с позиции силы, требуя бездумного повиновения своей воле.

Отстранив от фактического участия в управлении предприятием раздробленный коллектив и стремясь сделать его во многом понятием только символическим, «акулы» в то же время ссылались при удобном случае на «мнение и решение коллектива», проводя фактически свое решение. Атака против коллектива не могла не означать одновременно и атаку на человека. Роль рядового труженника они пытались принизить до уровня незначительного винтика в хозяйственном механизме. Под предлогом защиты «чести нашего предприятия» подавляли попытки работников противиться совершавшимся нарушениям, «вынести сор из избы», приклеивая любым сигналам о злоупотреблениях ярлык клеветы, а выступавших с этой информацией людей подвергали гонениям «от имени коллектива», интересы которого якобы такие люди предавали. Подобная расправа, например, была учинена над коммунистом Хазалия.

Принизив роль коллектива и человека в коллективе, возведя в фетиш спекулятивно противопоставляемую подлинно государственным интересам «честь предприятия», а себя — в ранг единовластного Хозяина, градусовы исподволь вдалбливали мысль: Хозяин — не в коллективе, а над коллективом, никому не дано обсуждать справедливость или несправедливость, законность или незаконность его решений и действий, соответствие их нормам социалистического общества. В качестве главной ударной силы против коллектива и человека они формировали свое ближайшее окружение в основном из карьеристов и беспринципных угодников.

Свое «войско» «акулы» вооружали властью, выдвигая на руководящие должности, общественные посты или награждая престижными званиями. А те подобным же образом создавали окружение и «активы» на своем уровне. Кошурина выдвинула Южакова, Лучкову и других, образовала дутый псевдоактив «передовиков» из соучастников хищений — Жули-

на, Садыкина, Ромашова. Соответственно и Лучкова в «нижнем эшелоне» избрала своей ставленницей Светлову. Так рассчитанно, системно, целенаправленно комплектовалась «пятая колонна», предназначенная для участия в махинациях и для разложения коллектива. Люди, вовлекавшиеся в эту группировку, утрачивали принципиальность, идейно-политические и нравственные устои. Элиту внутри «пятой колонны» составляли те, кто обеспечивал основные этапы совершения преступлений,— Егерев, Карпачевский, Платонова... В узком кругу «своих» людей и решались многие важные для предприятия вопросы, а большинство членов коллектива хитроумно изолировались от всякой существенной информации, что обрекало их на незнание обстановки, а следовательно, на пассивность, неучастие в управлении.

Особый аппетит у пройдохи Хозяина разыгрывается на единоличное владение в сфере распределения благ, когда партийная организация и трудовой коллектив стоят в стороне и деликатно молчат. Но ведь именно в этой сфере в первую очередь или действует, или не срабатывает главный принцип нашего общества «От каждого — по способностям, каждому — по труду», принцип социальной справедливости.

Бессовестно извращая эти принципы, матерые хищники кощунственно использовали формы социалистических отношений, вкладывая в них корыстное, антиобщественное содержание. Для маскировки «добренький» Хозяин вульгаризировал понятие справедливости, сводя его к уравниловке, когда одинаково вознаграждались хорошая и плохая работа, творческий, продуктивный труд и бездельное времяпрепровождение. И тогда на глазах у честных тружеников награждают подхалима, лодыря, горлопана-подпевалу Почетной грамотой или иным знаком почета за труд, подогревая эту постыдную процедуру лицемерными улыбками и начальственными аплодисментами, которым угодливо подхлопывает окружение. А без аплодисментов потихоньку одаривают своих людей теплым местечком, надбавкой к окладу, «забывая» вывесить приказ об этом на доску объявлений.

Дать квартиру, дефицитную путевку, пособие пожирнее к отпуску — мало ли возможностей у «акул» пригреть за прислужничество! Потому-то они так намертво и вцепились в рычаги распределительного механизма, понимая, что его стимулирующие возможности — это своеобразный кадровый ключ управления, влияния на людей. Впрочем, в руках у «акул» скорее не ключ, а отмычка. Потому они так тщательно и скрывают за семью печатями от всего коллектива тайны подлинного распределения благ. Потому они и те, кто несправедливо был ими обласкан, боятся, как огня, квалифициро-

ванного, объективного анализа управленческо-кадровой деятельности, который сложил бы внешне разрозненные эпизоды, выдаваемые для наивных или не желающих видеть правду за «случайности», «отдельные ошибки и просчеты», в единую картину. Суть этой политики — выдвигать и поощрять свое окружение, не допуская к управлению ни коллектив в целом, ни входящих в него честных, инициативных тружеников.

Бывает, что не всегда сами градусовы подбирают свое окружение, а сплотившаяся для совершения злоупотреблений группа дельцов тайком от всего коллектива, но фарисейски прикрываясь его именем, выбирает удобного для них руководителя предприятия. Такой маневр виден по материалам уголовного дела о хищениях в системе общепита Калининского района, когда махинаторы втайне от коллектива организовали направление за 25 подписями (якобы от всего коллектива, в который входят 117 человек) письма в трест столовых о выдвижении Зубковой на должность директора столовой. А когда приказ был подписан, долг выдвиженки оказался платежом красен и организаторы ходатайства получили возможность при ее покровительстве беспрепятственно совершать хищения.

Открытый вызов махинаторы бросают на общем собрании, и не каждый коллектив это испытание выдерживает. Если в раздробленном коллективе еще сохранились силы, способные бороться против злоупотреблений, и ожидается открытое столкновение на собрании, команда передовников приукрашивания и парадности приводится в боевую готовность. Куда девается покорная поза иного любимчика-угодника, входящего из кабинета Хозяина! Не узнать его, распрямляющего спину и грозно витийствующего на трибуне, если надо разгромить кого-то из непокорных, даже если они не говорят о самих злоупотреблениях, а только выступают с предложениями об улучшении кадрово-управленческой деятельности. На эту сферу и попытки высветить ее гласностью наложено строжайшее табу, смысл которого: «Не лезьте не в свое дело, начальству виднее». Дружно обрушивается рать подхалимов-рвачей на «возмутителей спокойствия»: «Ату его! Демагог! Клевещет на весь наш коллектив! Не давать ему слова!» А если подобранные по заранее составленному списку выступающие не добьются успеха, то приходят на подмогу хорошо проинструктированные председатель собрания и редакционная комиссия, которая не даст сквозь бумажные дебри формулируемого решения выпорхнуть ни одному «крамольному» слову. По такому стандарту и проводились собрания на хозрасчетном предприятии вагонов-ресторанов. Вот

протокол — образчик одного из них в октябре 1979 г.: «Наше предприятие постоянно справляется с планами. Особенно большие успехи достигнуты в этом году... Эти успехи достигнуты благодаря *сплоченности всего коллектива* (курсив мой.— Авт.), проводимой политико-воспитательной работе партбюро, местного комитета и администрации предприятия». Комментарий к такому протоколу в смысле перевода с языка лжи на язык правды можно составить, сравнив его с протоколом судебного заседания по делу шайки расхитителей и взяточников во главе с их Хозяином-Градусовым. Бросается в глаза противоестественность самого сближения понятий: с одной стороны, группа преступников, расхитителей социалистической собственности, а с другой — ими же организуемое собрание — высший орган трудового коллектива социалистического предприятия.

Что это, как не кощунственная фальсификация? Но преступники не останавливаются ни перед чем. И вот как иезуитски звучат характеристики, выдаваемые ими на своих подручных: воровашая питание у детей взяточница Лучкова «исполнительна, трудолюбива, награждена Почетными грамотами», такие же розовые штампы, слово в слово, на воров Жулина, Садыкина, Ромашова. Перевернуты понятия с ног на голову. За «исполнительностью» скрывались угодничество и резвость в совершении преступных операций, а о «трудолюбии» в добывании нетрудовых доходов сказано в многомном уголовном деле. Раздробленный коллектив лишь молча наблюдает, как шельмуются противодействующие злоупотреблениям люди, такие, как Зоя, отказавшаяся пропускать через кассу фиктивные чеки, Хазалия и другие, а награждаются залезающие в карман государства и общества жулики, бездельники и подхалимы. Магазины, возглавляемому Лучковой, присваивается звание «Предприятие высокой культуры», Почетная грамота победителя Всесоюзного социалистического соревнования. А на другом конце созданной ими преступной цепочки — многолетние систематические хищения продуктов, предназначенных для детских учреждений. «Сметана все время жидкая. Повара поговаривают, что ее разбавляют. Творог — плохой, горько-кислый, молока в бидоне не хватает. Сметана при кипячении вздымается пеной. Мы жаловались в бухгалтерию, но куда обращаться дальше, не знаем...» Это свидетельские показания работников детских учреждений, приведенные в сборнике «И снова — несунуны».

А кому могли жаловаться тысячи детей, питавшихся в яслях-садах? Сколько из них расплатились своим здоровьем за «успехи передовиков», соревновавшихся в мастерстве по извлечению нетрудовых доходов?

Махровый преступник Эрик Южаков официальной характеристикой нарисован как «активный общественник, член товарищеского суда» (представьте, кого и как он «судил!») и даже «руководитель школы коммунистического труда»! Во всем этом — признаки социально опасного явления.

Спекулятивное, лицемерно-наглое использование приспособленцами-махинаторами демократических форм социалистического общества, его завоеваний может порождать и порождает тип своеобразных оборотней, извращающих нашу мораль, злейших врагов нашего общества, рядящихся в одежды передовых людей. Особую опасность представляют эти оборотни, когда им удается образовать связку: махинатор, пробравшийся на пост руководителя предприятия, и специально подобранное им окружение, узурпирующее право представлять весь коллектив, выражать его мнение.

Проникновение нечестных людей на руководящие посты, а соответственно, и ослабление роли трудового коллектива в определенной степени облегчались издержками встречавшихся прежде, а ныне осужденных сугубо «технократических» подходов, когда достижение поставленных перед предприятием экономических целей в значительной мере заслоняло недопустимые затраты.

Случалось, что на гребне «технократической» волны могли всплыть и руководители градусовского типа с их «деловой хваткой». Используя выгодную ситуацию, «волевой, энергичный, твердый» руководитель Градусов действовал под лозунгом «План — любой ценой», а при этом, обезличивая коллектив, не хотел видеть «за лесом деревьев», за понятием коллектив — конкретных живых людей с их человеческими нуждами, заботами, интересами. Человек-работник для Градусова и его махинаторских целей удобнее всего смотрелся как все-го-навсего механический придаток к хозяйственному механизму — тот «винтик», о котором уже говорилось. Если так, то какое у него может быть «свое мнение», «человеческое достоинство», кто с ним считаться будет? Из таких «технических деталек» и сложить можно только что-то механически послушное воле Градусова.

Из всего сказанного видно, что махинаторы в полной мере берут на вооружение в борьбе против коллектива методы бюрократизма и формализма. Обман, подмена живого дела его видимостью, когда по форме — правильно, а по существу — издевательство, молчалинское двуличие, угодничество, хамелеонство, фамусовский подбор: «Как станешь представлять к крестикшу ли, к местечку, ну как не порадовать родному человечку!» Бюрократы, как и «акулы», тоже оборотни. Не случайно махинаторы встречали поддержку или благожела-

тельный нейтралитет в бюрократической среде их вышестоящего начальства, где фальшивые победные реляции жуликов о выполнении плана поднимались на щит, ставились в пример как образцы хорошей работы. Бюрократизм и формализм — питательная среда и для совершения преступлений, злоупотреблений, извлечения нетрудовых доходов. Поэтому «акулы», оборотни и бюрократы — злейшие враги трудового коллектива.

В спянном коллективе «акула» не приживется, ей нужна атмосфера замалчивания, она таится в тиши кабинетов людей, настроенных эгоистически, корыстно, заинтересованных в ослаблении трудового коллектива, который не позволит нарушать принципы социалистической справедливости, поставит на место зарвавшихся жуликов, лодырей, болтунов, претендующих на незаработанные блага. О таких сильных коллективах рассказано в очерках «На единый наряд», «Люди — для людей», «В коллектив пришел руководитель», «Как Григораш с товарищами змея убил» и других.

В слабом же коллективе может встать на скользкий путь человек, взгляды которого еще не устоялись. Борис Карелин, окончив технический вуз, мог и должен был стать хорошим инженером (сборник «По наклонной»). Но способствовала ли этому обстановка в лаборатории, куда он поступил работать? Нет. Там не коллектив специалистов, а, скорее, чиновничье присутствие во главе со столоначальницей Варварой. Бюрократическая обстановка получения денег не за фактическую работу, а за высиживание и суету сделала свое недоброе дело — приучила к мысли, что доходы можно «законно» получать и не за труд.

И в заключение вернемся к письму читателя А. Я. Киткова. Верно, «акулы» изворотливы, хитры и особенно опасны, когда попадают «на крючок». В ход могут пустить не только угрозы и шантаж, но и зубы. Могут оклеветать и опорочить тех, кто их разоблачает, и тех, кто по долгу службы ведет дело по их обвинению. Может быть, Алексей Яковлевич имел в виду эту жизненно реальную ситуацию, когда писал о том, что правоохранительные органы любят ловить скорее «мелкую рыбешку», чем «акул». Крупные хищники действительно создают противодействие их разоблачению, подключают «солидных» покровителей, всеми путями пытаются оказать давление на тех, кто их изобличает.

Позвольте, Алексей Яковлевич, ответить вам с той же откровенностью, с какой и вы написали нам. Работая в прокуратуре с 1942 года, я знал и знаю многие сотни следователей, прокуроров, судей, работников органов внутренних дел. Встречались и среди них единицы отщепенцев, которые со-

вершали не просто нарушения по работе, но даже и преступления, за что, как и положено, привлекались к уголовной ответственности. Но что примечательно, почти все они были полностью разоблачены именно в том коллективе, где и служили. Подавляющее большинство наших работников понимают, что «блести честь мундира» — это означает не закрашивать пятна на нем, а очиститься от них, признавать свои недостатки без подсказок и принимать меры к тому, чтобы впредь их не допускать. В частности, избавляться от недостойных работников, не позволяя им уйти от ответственности, если они в чем-либо повинны.

Знаю, что подавляющее большинство товарищей, с которыми мне довелось работать в течение нескольких десятилетий, не проявят малодушия и не спасуют перед любыми «акулами» и их покровителями. В таком же духе мы воспитываем и нашу смену.

Но есть еще в нашей работе немало не только ошибок, но и неправильно занимаемых позиций. ЦК КПСС в своем постановлении «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» потребовал коренного улучшения и перестройки работы правоохранительных органов. Ленинградский региональный совет учреждений права, науки, культуры и средств массовой информации, участвуя в межведомственной программе координации исследований «Человек, научно-технический прогресс, общественные отношения: ускорение», готовит и внедряет в практику ряд научно-прикладных разработок, используя практический опыт. Одновременно мы реагируем и на сигналы о конкретных правонарушениях.

Чем больше и смелее будут предаваться гласности любые отступления от норм закона и нравственности, чем активнее включится в борьбу с ними каждый человек, каждый трудовой и учебный коллектив, тем скорее мы избавимся от нечисти, мешающей советским людям жить, работать, отдыхать, развивать и укреплять свое общество и государство. В этой борьбе нас вооружают решения XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС, Закон о государственном предприятии (объединении).

Январский (1987 г.) Пленум ЦК партии углубил анализ ситуации в стране, конкретизировал задачи перестройки, а также подчеркнул, что если мы не сломим до конца силы торможения, то они могут снова втянуть страну в состояние застоя, грозящего социальной коррозией. А коррозия общества всегда сопровождается и распространенностью нарушений закона. Именно поэтому человек труда, являющийся главной движущей силой сегодняшних революционных пре-

образований, кровно заинтересован и в дальнейшем укреплении порядка, дисциплины, законности. Трудящиеся решительно выступают против жульничества, нечестности, паразитизма в любых его формах, а также и против тех, кто, пренебрегая мнением коллектива, распоряжается на работе, как в своей вотчине, и, злоупотребляя служебным положением, использует обстановку вседозволенности для казнокрадства, наживы.

Выступления делегатов на XVIII съезде профсоюзов СССР наглядно показали, какие огромные массы народа, поддерживая курс партии, пришли в движение и вступили с хозяйской заботой в большой государственный диалог по самым насущным вопросам нашей жизни.

Силы перестройки, силы очищения общества от всего застойного, негативного, тормозящего ускоренное развитие страны, крепнут день ото дня. В них вливаются и новые общественные формирования — комитеты ветеранов войны и труда, комитеты советских женщин... Нашего полку прибывает: эти новые формирования, выполняя свои ответственные задачи, займут боевые позиции также и в борьбе за дальнейшее укрепление законности и нравственности, ибо эта борьба всенародная.

*В. А. Б е л я к о в,
заместитель председателя
Ленинградского регионального совета,
старший помощник прокурора Ленинграда,
советник юстиции*

Елисейевская дача

В первой половине воскресного июльского дня в следственный отдел милиции аэропорта позвонили из таможни. При личном досмотре пассажирки Завьяловой, летевшей в Стокгольм, под стельками ее туфель, в углублении, специально вырезанном в толстой упругой подошве, была обнаружена крупная сумма иностранной валюты.

Квартира Завьяловой — она жила в Пушкине — мало походила на жилое помещение. Скорее напоминала склад универмага. Впрочем, пастельных тонов женские комбинезоны итальянской фирмы «Анна», бледно-голубые, полупрозрачные финские куртки, футболки «Феррари», блестящие, из ткани с люрексом, женские купальники на складе вряд ли залежались бы.

Обыск затянулся до позднего вечера. Из шкафов, чемоданов, из разбросанных на ковре пакетов извлекались все новые и новые вещи, и этому, казалось, не бу-

дет конца. Устали и сотрудники милиции, выглядела утомленной и Нина Юрьевна Лескова, старший инспектор таможи, красивая шатенка лет тридцати пяти.

Ее пригласили на обыск, потому что она больше других была в курсе случившегося. Все началось утром, когда Лескова оформляла документы рейса «SU-635. Ленинград—Стокгольм—Осло».

В выходные дни в международном отделе аэропорта всегда цейтнот. А летом особенно. С раннего утра радио почти без пауз на четырех языках объявляло о регистрации многочисленных рейсов. Иностранцы всех национальностей и оттенков кожи буквально распирали зал отлета. Казалось, негде яблоку упасть, а к аэровокзалу продолжали подкатывать интуристские «Икарусы» со свежим пополнением улетающих. И едва службы успевали закончить оформление очередного рейса, как ошипший голос диспетчера тут же объявлял о регистрации следующего.

На одну пассажирку Лескова обратила внимание сразу. Модно одетая женщина в широкополой летней шляпе держалась уверенно, с вопросами ни к кому не обращалась. Прошла службу санитарно-карантинного контроля, привычно зарегистрировала билет и багаж. У столиков с чистыми бланками таможенных документов задержалась, отыскала нужный листок, стала заполнять.

«Летит не в первый раз», — автоматически отметила Лескова, ставя штампы на декларации.

Регистрация рейса № 635 вот-вот должна была закончиться, но пассажирку это, видимо, не беспокоило. Не спеша заполняя декларацию, она при этом беседовала с провожавшим ее высоким, прибалтийского типа парнем. Оглядывалась, как будто ждала кого-то. Не исключено, что и нарочно тянула время. Словом, вела себя не совсем стандартно.

К таможенной стойке женщина подошла за десять минут до конца регистрации, пропустив вперед парочку английских туристов — поджарого старика в гетрах и стройную, чопорную старуху в плащ-накидке. Подождала, пока англичане пройдут, и, как ни в чем не бывало, протянула инспектору документы.

Лескова быстро пролистала заграничный паспорт. Завьялова Ольга Константиновна. Летит по «гостевой» визе. К сестре. Та постоянно проживает в Стокгольме,

репатриантка. Мельком взглянув на свои наручные часы, Лескова четко проставила вверху декларации время. Тем самым ответственность за возможную задержку международного рейса ложилась на запоздавшую пассажирку. А в том, что багаж этой дамы придется досматривать самым тщательным образом, Лескова уже не сомневалась.

В СССР установлена государственная монополия внешней торговли. Выгода от торговли с другими странами должна идти в доход государства, которое перераспределяет ее в интересах всех граждан. Контрабандист же, который «тянет» вещи через границу в обход установленных законом правил, подрывает принципы внешней торговли. Незаконно обогащаясь и паразитируя на нетрудовом доходе, в конечном итоге он причиняет ущерб нашему обществу.

Через таможенную ежедневно проходят сотни, а то и тысячи людей. Туристы, спортсмены, военнослужащие, дипломаты, моряки заграничавания, бизнесмены. Всех не перечислишь. В подавляющем большинстве это уважающие закон люди. Но иные осмеливаются переправлять через границу то, что не дозволено или дозволено, но в допустимых количествах.

Чаще это делается из корысти. Кое для кого пересечение границы служит доходным промыслом: накупят по дешевке вещей, пользующихся у нас популярностью, и стремятся избежать таможенной пошлины, чтобы потом легко, без труда обогатиться.

К какому обману, каким хитроумным приемам прибегает эта публика! Какие, к примеру, разнообразные изобретает тайники! Откуда только ни случалось Лесковой извлекать припрятанное! Тайники в тубике зубной пасты и в банке с джемом или в трости, зонтике, утюге — это детские игрушки. Контрабандные ценности находила она и в двойном дне чемодана, и даже в полном протезе инвалида, да мало ли еще где.

Времена Данкайре и Ремендадо давно прошли. Внешность современного контрабандиста, как правило, лишена романтической приметливости. Конечно, таможня оснащена самой современной поисковой техникой, роль которой переоценить трудно. И не случайно значительная часть «громких» контрабандных дел заводится благодаря умелому применению методов технического поиска. Но техника не всесильна. Годы работы в таможне научили Лескову быть и физиономистом и психологом. Она знала, чем и как невольно выдают себя люди, на-

ходящиеся в стрессовой ситуации, знала, что нарушитель с контрабандой в чемодане, даже самый опытный, всегда хотя бы чуточку взвинчен, напряжен. В считанные секунды умела по малоприметным признакам, часто лишь штрихам в поведении пассажира, «войти в образ», уловить черту, за которой начинается притворство и ложь.

Было жарко. Позади запаренных женщин, регистрирующих билеты и багаж, за зелеными фуражками пограничников, Лескова видела залитое горячим солнцем летное поле, откуда доносился приглушенный рев реактивных двигателей. На служебных стоянках белели фюзеляжи воздушных лайнеров: стремительные дельфины корпуса «Ту-154», похожие на гигантские торпеды туши аэробусов, приземистые «Боинги» компаний «Люфтганза» и «Финнейр». Лескова вздохнула, ей хотелось, чтобы пошел дождь. И еще больше хотелось, чтобы ее подозрения не подтвердились и чтобы эта красивая женщина оказалась честной.

Лескова увеличила масштаб изображения. На экране монитора отчетливее проступили контуры предметов в нижней части чемодана — привычные рисунки туалетных принадлежностей, босоножек, зонтика. Верх же чемодана по-прежнему оставался затемненным. Лескова остановила транспортную ленту.

— Откройте, пожалуйста, чемодан, — попросила она.

Женщины стояли теперь лицом к лицу. Обе были одного роста, примерно одинакового возраста, обе приятной внешности шатенки. А между ними, на металлической стойке, подле раскрытого чемодана, возвышалась горка шкурок черно-бурых лисиц.

На мировом рынке наша пушнина ценится высоко. На аукционах, проводимых каждый январь объединением «Союзпушнина», иностранные фирмы охотно покупают мех песцов, соболей, горностаев. Платят твердой валютой. Естественно, что вывоз пушнины отдельными гражданами запрещен.

Взгляды женщин встретились. Инспектор глядела холодно-вопросительно. Пассажирка — враждебно:

— В чем дело? Это мой палантин. Я намерена носить его в Швеции.

— Летом?

— Да, летом. Мое дело, какую вещь когда одевать...

Однако при беглом осмотре «палантина» бросалось в глаза, что шкурки сшиты между собой на живую нитку.

— Я буду жаловаться вашему начальству. — Тон

пассажирки становился все более агрессивным. — Из-за вас опоздала на свой рейс. Потеряла уйму времени...

Лескова показала женщине декларацию, вверху которой значилось время, когда началось оформление:

— Вы сами не спешили, так что обижаться не на кого. Улетите другим самолетом. А теперь, поскольку время нам позволяет, примерьте, пожалуйста, свой палантин. Мне кажется, что он вам несколько великоват...

Ну а потом, после короткой беседы в служебном помещении, в присутствии двух понятых был произведен личный досмотр пассажирки.

Из досмотра Лескова вышла с толстой пачкой зеленых долларов США.

В квартире было душно. За распахнутым окном виднелись раскаленные за день крыши старых домов, хмурищееся небо. Похоже, к вечеру ожидался дождь. Завялова сидела около подоконника, не глядя на разложенные повсюду кипы разноцветных, броских вещей. Казалось, происходящее в квартире хозяйку не касалось. Она о чем-то думала. На вопросы, обращенные к ней, отвечала рассеянно и односложно.

...Прежде они жили в коммуналке. Мать разошлась с отцом, когда Ольге было четыре года. Тот работал механиком в автопарке, был неплохим специалистом, но пил запоем, пропивая не только свой заработок, но и деньги жены.

Время шло послевоенное, нелегкое. Ольга росла младшей и, сколько помнит, вечно донашивала за старшей сестрой то пальто, то платье. А школьную форму они носили одну на двоих, пользуясь тем, что занятия у них были в разные смены. Зато каждое лето мать вывозила дочерей в Сиверскую, где много лет подряд снимала дачу.

Сиверская издавна слыла исконно дачным местом. В начале пятидесятых кое-где еще сохранились низко осевшие, но все еще прочные затейливые дачи — все разные, несхожие, украшенные мезонинами, причудливыми копьевидными башенками, некогда выстроенные состоятельными петербуржцами. Вместе с матерью Ольга любовалась стилизованным под средневековые замком в Новосиверской. Мать ахала и восторгалась. А приехавший погостить отчим (тогда еще будущий отчим) рассказывал, будто бы дом некогда принадлежал купцам-миллионерам Елисеевым.

— Они владели магазинами, лучшими в Петербурге и Москве. Были известнейшей в России торговой фирмой. Дачи строили только в живописнейших уголках. И какие! Вообще купечество,— говорил отчим, словно назидал,— умело жить красиво. Правда, не все знали чувство меры.

Прогуливаясь в пижаме по зеленому берегу, отчим любил повторять Ольге историю о свадебной тройке, слетевшей с этого крутого оредежского обрыва и вдребезги разбившейся.

Жить лучше других, но не терять голову, как со временем выяснилось, было жизненным принципом этого человека.

Рассказы отчима действовали на пылкое Олино воображение. А мрачное здание бывшей елисеевской дачи даже снилось. Вместе с подружками она несколько раз ездила к Новосиверской плотине дивиться на замок. Девочки приезжали на велосипедах, а Ольгу по очереди везли на рамах. Своего велосипеда у нее не было. Об «Орленке» Ольга только мечтала. Она росла подвижной и темпераментной. Бегала быстрее всех мальчишек, не побоялась на спор нырнуть головой с пятиметровой вышки. Ей очень хотелось иметь велосипед, но матери такая покупка тогда была не по карману.

Родные и близкие говорили, что Олина мать второй раз вышла замуж удачно. Казалось, наметился поворот в материальном положении семьи. С отчимом они съехались, выменяв просторную квартиру на Фонтанке. Обстановку тоже поменяли, купив на смену старой мебели современную, полированную. Повесили ковры. У прежних жильцов очень удачно, почти за бесценок приобрели беккеровский, в хорошем состоянии, рояль. Трудно сказать, зачем рояль понадобился отчиму, но с ним не спорили. Инструмент занял треть самой большой комнаты, но стоял так, для мебели,— дома никто не играл.

Кроме рояля старые жильцы продали и обширную библиотеку. Впрочем, книги тоже предназначались больше для интерьера. Брались с полок редко. Чтение отчим не поощрял, следил только за одним — чтобы тома стояли один к одному, ровно и красиво.

Второй муж матери работал директором телеателье на Старо-Невском. Он хорошо зарабатывал, но в тратах был самодур. Деньгами распоряжался единолично и так, что ближние никакой пользы из его покупок не извлекали. Дома вечно звучали любимые отчимом пословицы, вроде «Денежки счет любят» и «Копейка рубль бе-

режет». Мать за глаза звала его жмотом, но уважала за оборотистость — качество, которым сама не обладала. Олина мама всю жизнь оставалась скорее мечтательницей о деньгах. Причем мечтам этим так и не суждено было осуществиться. Первый ее муж, судя по отрывочным Ольгиным воспоминаниям, все пропивал, а второй — копил.

В середине шестидесятых, когда повысился спрос на книги, отчим удачно продал библиотеку и купил на вырученные деньги дачу в Пелле.

Пелла, конечно, не Сиверская, зато дача своя. Мать, уже немолодая и больная многими болезнями женщина, воспрянула: наконец можно пожить для себя, для дочерей. Ей очень хотелось комфорта, красивой жизни. Став домовладелицей, она возмечтала о цветочной торговле. Не щадя себя, копала, сажала, поливала. Цветы вырастали, конечно, но... летом. А спрос на них, как известно, существует и зимой и ранней весной. Чтобы иметь нарциссы и тюльпаны круглый год, нужны были теплицы, квалифицированный уход. Но муж не любил работать руками. Дочери, к тому времени уже студентки, и подавно: к физическому труду обе не были приучены. Постоянные препирательства по поводу поливки цветов, покупки удобрений и прочего действовали отчиму на расшатавшиеся к старости нервы. Дача никому не дала ни комфорта, ни радости, ни покоя. Ее продали, а деньги Олин отчим положил себе на книжку. Мать возмущалась, требуя своей доли. Жаловалась соседям, грозила обратиться в суд, плакала. И все напрасно: в денежных вопросах отчим был тверд как камень.

Ольга не утешала мать, а про себя думала: «Нет, я буду жить по-другому».

Окончив политех — в шестидесятые годы держалась мода на технические вузы, — Ольга работала инженером-экономистом в проектном институте. Сто десять рублей оклад плюс тридцать процентов квартальной прогрессивки, что называется, не ах, далеко не разбежишься. Ощущение, будто она занимается в институте не тем, не покидало Ольгу все те годы. Замуж она вышла на четвертом курсе — захотелось побыстрее самостоятельности. Дома осточертели извечные разговоры об экономике, пословицы о денежках, которые любят счет.

Муж Ольги заведовал лабораторией в том же институте. Он был кандидат наук и, по отзывам, подающий надежды ученый. Но надежды оставались надеждами, а повышали в их институте медленно. Зарплата мужа

из года в год оставалась на прежнем уровне и возможности — самыми рядовыми. Жили, как казалось Ольге, скучно. Из развлечений — только кино. В ресторанах, смешно сказать, раз в год позволяли себе сходить.

В сущности, из Олиной затеи стать независимой ничего не вышло. Ее самостоятельная жизнь мало чем отличалась от жизни матери, вечно скорбящей из-за отсутствия денег, как при первом, бедном, так и при втором, богатом супруге. Ольга томилась и грустила. А муж не тужил. Не вникая в проблемы жены, вечерами корпел над книгами, работал уже над докторской диссертацией. Занимался спортом. Вставал спозаранку и ежедневно бегал чуть ли не по десять километров. При этом умудрялся неизменно пребывать в отличном настроении, чем особенно раздражал молодую жену.

Затаившись, Ольга жаждала перемен.

Пожалуй, решающее значение в их дальнейшей семейной жизни сыграло то обстоятельство, что в 1971 году сестра Ольги познакомилась на выставке в Гавани со шведом-коммерсантом. Некоторое время они встречались, и вскоре сестра вышла замуж и уехала в Швецию. Судя по письмам, она зажила в роскоши: собственный коттедж в предместье Стокгольма, два автомобиля и даже трактор для обработки участка.

Большинство подруг сестру осудило. Да и сама Ольга первое время недоумевала: как это так, вдруг уехать из родного города, от близких людей? Впрочем, осуждала недолго.

Поток цветных фотографий, присылаемых по почте, иллюстрировал теперешнюю жизнь ее сестры. Автомобили, стереоаппаратура, шикарные туалеты — эти вещи так были желанны для Ольги. Сколь разительно отличалась жизнь сестры от скромного быта Ольги! Сердце ее, не знавшее иного чувства, кроме страсти потребления, такой разницы не выдержало.

«Главное в жизни — это направление», — говаривал ее отчим. И Ольга свое направление выбрала...

Виктор Робертович сразу показался ей настоящим мужчиной — энергичным, деятельным, волевым. Когда они познакомились и сблизились, Робертович работал «метром» в одном из скромных ленинградских ресторанов, но уже имел «Волгу», «ГАЗ-24», был на хорошем счету в общепите и говорил, что со дня на день займет директорское кресло.

Слово у Виктора никогда не расходилось с делом, это Ольга сразу почувствовала. Он действительно вско-

ре возглавил коллектив ресторана, находящегося неподалеку от города, на развилке оживленного курортного шоссе.

С неделю Оля колебалась. Беспокойно спала. Ей снилась Сиверская, сумрачный Елисеевский замок над электростанцией, во весь опор мчащаяся по высокому берегу тройка... Решение было принято: лучше рискнуть слететь с обрыва, но хоть раз испытать взлет.

Окончательно убедившись в том, что с ее мужем много каши не сварить, Завьялова, расторгнув брак, все силы сконцентрировала на Робертовиче. Они поженились. И Ольга через нового мужа наконец попала в круги, как ей казалось, самых деловых и преуспевающих людей.

Друзья Виктора Робертовича жили полной жизнью, так считала Ольга. Для них не существовало дефицита. Они не признавали общественного транспорта, ездили исключительно на автомобилях. От зари до зари не покладая рук сосредоточенно и целеустремленно делали деньги.

В сфере, где вращался Виктор, от человека требовались постоянная собранность и строжайшая пунктуальность. Ведь сдержанное слово оборачивалось большими деньгами, а нарушенное — сулило крупные неприятности.

Помощников Робертович подбирал себе сам. Старательных работников он вознаграждал сообразно с заслугами, нерадивых беспощадно карал. Нарушившие правила игры в его заведении наказывались не только рублем. Ольге случайно удалось быть свидетельницей, как после закрытия ресторана возле стойки трое лощеных официантов в черных смокингах ногами учили уму-разуму четвертого. Робертович в это время листал счета за служебным столиком, не глядя в сторону происходившего.

Он жил по волчьим законам. Да, именно под влиянием этого матерого, не знавшего устали волка и закончилось формирование характера Ольги Завьяловой, завершилось ее падение.

Мир, открывшийся перед Ольгой, и пугал и притягивал. Но довольно скоро она поняла, что выбор ею уже сделан и ход назад к «нравственно-скучным» будням и рядовой зарплате инженера-экономиста заказан.

Некоторое время она приглядывалась к новым людям, изучая их повадки, ориентиры, их метод жить. Но Ольга не могла долго оставаться только созерцательни-

цей, не такая у нее была натура. И жаждала она одного — поскорее самой окунуться в дело.

Виктор устроил ее в бар официанткой. На первых порах Робертович строго-настрого запретил Ольге во что-либо ввязываться. «Рассчитываться,— внушал он,— строго по счету, недолив там, обвешивание — ни-ни». Он говорил, что для Ольги работа официанткой — это начальная школа, первая ступенька лестницы и что главное для нее — это научиться общаться с людьми, научиться, как он говорил, чувствовать человека. «Будь фотоаппаратом,— учил Робертович,— сама не изобретай ничего. Копируй других, но копируй в точности». Она оказалась способной и расторопной ученицей.

...Все шло наилучшим образом. Проработав в общепите несколько лет, Ольга добилась многого и стала на равных со многими. Она ездила на своих «Жигулях», фирменно одевалась, имела доступ практически к любому дефициту. Завьялова постепенно выросла в категорию людей, «решающих вопросы». Теперь она могла, например, устроить номер в гостинице, попасть без очереди на выставку популярного художника, выйти на нужного человека в приемной комиссии престижного вуза. Всюду у нее были теперь друзья, или друзья ее друзей, или просто хорошие знакомые. Казалось бы, не так уж мало для молодой женщины.

Но вот как-то летом она впервые слетала по вызову к сестре в Швецию и снова надолго утратила обретенное было равновесие. Коттедж, где жила сестра с мужем, конечно, уступал елисеевской даче, тем не менее, вернувшись домой, Ольга с горечью ощутила, что до сестры ей по-прежнему далеко. Да, она имела вполне стабильный доход, но собственного, к примеру, трактора, возделывающего участок на ее вилле, у Ольги все-таки не было. Как и самой виллы.

И особенно обидным казалось то, что сестре все досталось не ценой каждодневного напряжения, бессонных ночей, постоянного риска все потерять и самой угодить за решетку, а почти даром, можно сказать, в мгновение ока. Сестра обскакала ее, вытянула счастливый лотерейный билет, рассуждала она.

Изменились взгляды Завьяловой, переменялись оценки. Теперь она окончательно утратила интерес ко всему, кроме комфорта и незаслуженной роскоши. Может быть, в этом была виновата ее мать, вечная мечтательница о деньгах? Или отчим с его нравоучениями? А может быть, решающую роль сыграло железное воспитание Виктора

Робертовича, преподаанные им уроки? Трудно сказать. Так или иначе, Ольга вернулась от сестры и потеряла покой. Все ей опостылело. И работа, так увлекавшая прежде, казалась теперь бессмысленной суетой. В самом деле, думала она, чайной ложкой жажды не утолить. Что толку быть маленьким колесиком в огромном общепитовском механизме? Колесиком, которое вдобавок вращалось не само по себе, а лишь в полной зависимости от воли Робертовича: того не смей, туда не суйся. Новый муж сковывал ее самостоятельность, занудно учил ее, будто умеренность — главное качество в их профессии. Но ей уже надоело вечно от кого-то зависеть, надоело давать отчет. Хотелось своего, прибыльного дела.

Вещи, обнаруженные во время обыска, опись которых заняла десятки страниц, громоздились на столе, диване, сдвинутых креслах...

Завьялова рассказала следователю, как в Стокгольме через сестру свела деловое знакомство с двумя шведскими гидами. По существу, у них был заключен контракт, по которому гиды переправляли в СССР вещи, распределяя их среди туристов. Ольга реализовывала это имущество, встречаясь с клиентами чаще всего в ресторане «Баку».

— Зарвалась я, — говорила Завьялова, — с обрыва сиганула. Да и какое-то стремление к риску у меня развилось. Честное слово. Я ведь не первый раз шкурки эти провожу. Сошьешь наскоро, будто накидка или муфта, и никто не придирается. А с валютой — это уж прямо черт попутал, не иначе. Говорили мне умные люди, чтобы не связывалась, так нет.

Валютой иногда расплачивались ее покупательницы — долларами, фунтами, «тяжелыми» западногерманскими марками. Правда, нечасто. А вообще деньги у этих молодых девиц явно водились. Расценки на вещи никого не смущали. Пятьдесят рублей за очки «Феррари» — пожалуйста, триста за куртку финской фирмы «Карелия» — да ради бога. У Завьяловой сложилось впечатление, что этим герлам вовсе безразлично, почем платить.

Прежде она презирала подобных девиц, смысл жизни которых состоял только в том, чтобы одеваться, опережая моду. Себя Ольга считала иной. Но сейчас, во время обыска, она видела, что для серьезных людей в

милицейской форме и невозмутимой таможенницы пет-
принципиальной разницы между нею и ее покупатель-
ницами. Не исключено, что ее считали павшей еще ниже.

Ей захотелось крикнуть, что это ошибка и она не
так уж виновата. Она ведь только воплотила мечту сво-
ей матери, желавшей видеть дочь непременно обеспечен-
ной, не сделала ничего такого, что вызвало бы осужде-
ние многих, может быть, слишком многих уважаемых
ею людей.

За окном шумел дождь. Обыск окончился. Взглянув
в окно, таможенный инспектор Лескова увидела мокрую
крышу противоположного дома и рассеянно подумала,
что она напрасно не захватила с утра зонт. Осушившая-
ся и бледная контрабандистка расписывалась в прото-
коле. Фирменная ручка дрожала в ее пальцах. Теперь
она мало походила на ту элегантную, безмерно уверен-
ную в себе даму, еще сегодня утром явившуюся к реги-
страции стокгольмского рейса.

Лескова поймала себя на жалости к этой женщине,
так глупо распорядившейся своей жизнью, разменявшей
ее на мелочи. Теперь ее ждет суровое наказание.

В квартире было накурено, душно. Инспектор по-
спешила на улицу. Дождь шел торопливо, будто навер-
стывая упущенное. Лескова вспомнила, как хотела его
с утра. Болела голова. Впрочем, внешне это ни в чем
не выражалось. Она умела скрывать свое самочувствие.

Дмитрий и Анатолий Шестаковы

Ловкач... неудачник?

Передо мной на столе лежат письма от читателей, пришедшие в ответ на мою публикацию в «Литературной газете». Их очень много. Инженеры, научные сотрудники, молодые специалисты и кандидаты наук откровенно и горячо пишут о своей профессиональной судьбе, о тех взаимоотношениях, которые сложились у них с выбранной специальностью. Картина типичная. Вот некоторые строки из писем: «Мой творческий потенциал оказался невостребованным», «Атмосфера многолетней развращающей бездеятельности, установившаяся в нашей лаборатории, лично меня, молодого специалиста, на трудовые подвиги не подвигала, а изменить ее я не мог», «Нет у инженера ни морального, ни материального стимула трудиться лучше», «От бывшего престижа инженера осталось одно воспоминание», «Потратив шесть лет в вузе на то, чтобы освоить свою специальность, я теперь оказался перед фактом, что не могу элементарно обеспечить свою семью: жену и двоих маленьких детей». А инженер Ф. П. Тютюнник из г. Сумы вообще считает,

что «технари — это самая беззащитная категория работников». Горькие, горькие слова.

Среди авторов писем немало и таких, кто расстался со своей профессией, устроился дворником, грузчиком, мастером по ремонту телевизоров или продавцом овощей (выгодно!). В основном это молодые люди. И мы не можем не признать, что отток инженерно-технических работников в сферу обслуживания, где всегда есть надежда на неофициальный «приварок» к зарплате, — не просто единичный случай, а социальное явление. Молодой научный сотрудник из Ленинграда, по вполне понятным причинам не назвавший своей фамилии, не без едкой иронии пишет, что, с тех пор как открыл свой маленький бизнес (торговля фирменной звукозаписывающей аппаратурой), почувствовал себя «полноценным человеком».

А вот еще штрих к злободневному вопросу о нетрудовых доходах. Пожилой профессор спросил у своего нерадивого студента: «Зачем вы, голубчик, учитесь? Профессия инженера вам явно не по душе, зарплата будет небольшой...» На что юный муж, тонко улыбнувшись, заметил: «Зарплата будет небольшой, зато и делать ничего не надо». Но если строго: зарплата в конце месяца за ничегонеделание — это тоже нетрудовой доход. Выходит, можно получать деньги ни за что и оставаться при этом как бы честным человеком (под суд-то не отдадут, во всяком случае). Нравственные нормы размываются, теряют свою упругость, особенно в глазах молодых, еще не окрепших людей, только начавших свою трудовую взрослую жизнь. Социологи подтверждают: да, падают среди молодежи ценности труда и трудового образа жизни, на которых человек покои веку держался, да, центр интересов перемещается из сферы общественно-производственной во внепроизводственную (бытовую, досуговую, покупательскую и пр.), а значение денег как средства получения удовольствий неуклонно растет. Есть такая тревожная тенденция. Но не из вакуума же она возникла, эта тенденция, что-то же питает ее?

В этом очерке я попыталась наметить тот сложный комплекс социально-нравственных причин, которые превратили способного студента, а затем молодого специалиста, энергичного и не лишенного, заметьте, совестливости, в оборотистого малого, вложившего все свои душевные силы в добывание и выколачивание — отнюдь не невинными способами — средств к своему якобы бла-

гополучному существованию. Вина ли это его? Или, может, беда? Давайте думать.

И все-таки было в них что-то такое, что наводило на мысль о маскараде, о подмене какой-то странной. Особенно в этом, с бородой. Кажется, даже встречались где-то. Хотя едва ли. Сразу и не сообразишь, в чем именно дело, — вроде нормальные грузчики из Лентрансгосагента. Молодые, рослые. Как вошли один за другим в квартиру, так наша просторная прихожая сразу тесной показалась. А эти прямо красавцы. И одеты щеголевато, хоть и в рабочих куртках. Джинсы фирменные, в обличку, кроссовки, кепочки-лондонки — у кого из замши, у кого из вельвета — так, по-простому... И вот эти виски коротко стриженные — нет, не в парикмахерской у первого попавшегося мастера за 35 копеек, а в салоне, у «своего», с предварительным звонком... Странно все-таки. Хотя что, собственно, странного? Молодость, вкус к модной одежде, достаток — почему бы не позволить себе грузить мебель в джинсах за 160 рублей? В конце-то концов?

— Рояль, пожалуйста, осторожнее...

— Не беспокойтесь. Сами видим — старинный инструмент. «Беккер». Звучит? Да-а! Не «Стейнвей», конечно, но все же...

Так, между прочим: «не Стейнвей». С нажимом легким. Мы, мол, тоже не лаптем щи хлебаем, чтоб вы знали.

Нет, дело, разумеется, не в модных стрижках и не в одежде. Диссонанс какой-то внутренний, какие-то концы с концами не сходятся. Примерно как на овощебазе: сотни людей в ватниках и сапогах картошку перебирают, а его, инженера из НИИ, отбывающего свою «плодоовощную повинность», сразу отличить от коренного овощебазовца, хоть и работает шустро — поднаторел уже, а все неродная она ему, овощебаза. Вот так и с грузчиками этими... (Впрочем, все эти отрывочные наблюдения потом, позже выстроились в какую-то систему, а тогда, в разгар переезда, просто краешком сознания, впопыхах, невнятно зафиксировались, просигналив: «Что-то не так», — и отложились в памяти до поры.)

Пока грузчики выносят мебель, бригадир потихоньку увлекает главу семьи в кухню. До меня доносится пергромкий, но твердый голос:

— Значит, машину к парадному не подогнать, хозя-

ин, а в путевке у меня написано: подъезд свободный. И оплачивали вы, между прочим, как за свободный...

Шеф свое дело туго знает. То, что по квитанции заплачено, его не больно греет. Сейчас он объяснит, что документы неправильно оформлены, и машину ему не подогнать, и мест не двадцать пять, как указано, а все тридцать, и что вот это, лишнее, они не повезут... Вот так, не повезут, и все. У нас покуда не коммунизм, чтоб за бесплатно работать...

— Ну, почему же за бесплатно. Мы как-нибудь сумеем компенсировать. Сколько, вы полагаете?

Шеф загибает пальцы: этаж четвертый, лифта нет, 30 метров от подъезда до машины, 30 — обратно... Итого дополнительных услуг... Глава семьи в замешательстве. Он прикидывает, что такую сумму он зарабатывает за неделю добросовестного труда. «Нет, это уж, знаете, слишком. Это вы хватили». Дело хозяйское. Перевозите сами. И от подъезда до машины — тоже, пожалуйста, сами тащите. А в машину они погрузят — это ради бога. Как хотите, так и тащите. Все, хозяин... Время — деньги. У нас еще заказ в Купчине... До свиданья...

Несколько коротких, быстрых, хорошо рассчитанных и умело нанесенных ударов, и противник повержен... Один, два, три, четыре... И вот уже полез во внутренний карман пиджака за бумажником. Все. Нокаут. Борьба была недолгой. Впрочем, и силы неравными.

А эти трое тем временем работают в поте лица. Пока шеф там, в кухне, зарабатывает каждому из них на кусочек масла. Нет, до этой деликатной работы они еще не доросли. Еще не тянут. Так, грубая рабочая сила.

Но работают грамотно. В темпе и — что самое главное — аккуратно. Не бьют, не бросают, не царапают. Даже стекла из стеллажа вытащили, мол, оберните одеяльцем, чтоб не разбить, не дай бог... Спокойные такие, не хамят, не ругаются. Вежливые. Вот и бабушка, которой вообще трудно угодить, которая не скрывает своего отвращения к джинсам, уже очарована, уже улыбается, уже доверительно сообщает им о своем несчастье, этом капремонте, который как снег на голову, и вот теперь надо уезжать куда Макар телят не гонял, а ведь здесь, в центре, вся жизнь прожита. А они кивают: дескать, понимаем вас, но ничего, привыкнете, и шутку какую-то довольно уместно вставляют.

— Ах какие милые, — шепчет бабушка. — Надо им дать пятерочку сверху, как ты думаешь? — обращается она ко мне. — Не обидятся?

— Обидятся,— говорю я. — Ни в коем случае!
Бедная, наивная бабушка!

...Обнажились стены со следами от старых фотографий. Опустились комнаты, будто жизнь от них отторглась и спрессовалась в странном смещении в этом ящике с надписью: «Перевозка мебели». Последняя коробка уложена в машину, последний узел втиснулся в просвет между шкафом и диваном. И странно видеть свой письменный стол без ящиков с сокровенным нутром, и чудно сидеть не за ним, а на нем, прислонившись спиной к холодильнику и обнимая глобус... Хлопнула дверца кабины, качнулся и поплыл наш старый дом, зияя дырами выбитых стекол и облупившейся штукатуркой — как больной, как раненый. Кажется, мы уезжали отсюда последними: строители уже ломали во флигеле перегородки и устанавливали во дворе подъемный кран...

Примостившийся рядом на ящиках бородатый грузчик чиркнул спичкой, закуривая.

— Жаль покидать родные пенаты?

Он повернулся ко мне, снял кепку и вдруг громко и заразительно засмеялся, откинув назад голову:

— Значит, не признаешь? В упор не узнаешь?

И этот взрывной, столько раз слышанный когда-то в институтских коридорах и аудиториях смех не оставлял никаких сомнений.

— Боря! Боже мой!.. Ну совершенно не узнать!

За те годы, что мы не виделись, Борис из молоденького студента с румяным лицом и пышной шевелюрой превратился в крепко сбитого бородача, модно подстриженного, с хрипотцой в голосе.

— Солидный мужик стал? — словно угадав мои мысли, сказал Боря.

— Весьма. Ну как ты, рассказывай. Как живешь, что делаешь, где работаешь?

И, только задав самый главный для бывших однокурсников вопрос: «Где работаешь?» — соображаю, что Боря, дипломированный инженер-электрик, только что грузил мебель в моей квартире в составе бригады грузчиков.

— Подрабатываешь в Лентрансгентстве?

— Нет, работаю.

— Временно?

— Постоянно.

Сказал и улыбнулся насмешливо.

— Давно?

— С полгода так.

Затянулся глубоко сигаретой. Получилась небольшая пауза.

— А... диплом? — спрашиваю.

— Диплом храню как память. Чтоб потомству показывать. — Смеется. Кидает быстрый взгляд на товарищей: они не слышат, разговаривают о своем.

— То есть с инженерством покончено? Навсегда? — не отпускаю я.

— Завязал. — Он прикрыл глаза, боднул головой. — А ты-то как, расскажи.

Разговор неприятен — это ясно. И вообще, нет у меня такого права — лезть к нему в душу. Друзьями никогда не были. Так, товарищи, иногда компания была общая, самостоятельность, КВН.

— Меркантильные соображения или как? — Это уже нахальство, понимаю.

Боря помолчал несколько секунд, раздумывая, видно, пресечь этот разговор или нет, вздохнул и, уже не паясничая, как-то просто, по-человечески махнув в сердцах рукой, сказал:

— Знаешь, долгая и неинтересная история. Если, конечно, очень хочешь, расскажу. Но не сейчас, позже...

И, потушив сигарету о подошву ботинка, он с силой отстрельнул окуроч в окно...

Боря Карелин (назовем его так) учился в параллельной группе и был известен на курсе. Обаятельный, умный, начитанный, веселый бездельник. Увлекался туризмом, занимался в театральной студии, немного пел, немного играл на гитаре и писал популярные в студенческом кругу песни о горах, кострах и дальних странах. Учился легко, как бы между прочим. Мало кому удавалось увидеть, чтобы, сидя на лекции (что вообще случилось не так уж часто), Боря что-либо записывал в тетрадь. Во время сессии прилежные студенты, аккуратно посещавшие занятия, разрешали ему пользоваться своими конспектами. К третьему курсу он научился разбирать любой, самый «нечитабельный» почерк и мог свободно определять руку всех приличных студентов на потоке.

Боря задавал тон не только в своей группе, но и на всем курсе: на лекции ходил через две на третью, лабораторные работы защищал по несколько штук кряду, к экзамену начинал готовиться в последнюю ночь и сдавал его непременно с блеском. Настоящий студент, говорил Карелин, должен овладеть предметом с налета, штурмом, выучивая, если понадобится, китайский язык

за одну почь. В этом смысле Боря был настоящим студентом. Ухитрялся получать по три зачета в один день и делал это без видимых усилий. Схватывал все на лету, был сообразителен и обладал колоссальной работоспособностью «на коротких дистанциях». Преподаватели говорили о нем: «Способный, но бездельник», и такая оценка в наших глазах считалась особым шиком. Полкурса молча и трудно боролись за звание одаренных бездельников, тщательно скрывая друг от друга те усилия, которых это иногда стоило.

Особенно легко, играючи, как-то элегантно сдавал Борис экзамены. Выходя из аудитории и небрежно помахивая зачеткой, где красовалась очередная пятерка, он напоминал нам ковбоя из американских фильмов — сильный, смелый, красивый, умный — словом, супермен, который все умеет, все может и найдет выход из любой безвыходной ситуации. Да, вот так надо жить — с твердой верой в свои силы, в бесконечность своих возможностей, легко и красиво!

Тогда мало кто представлял себе, что будет после окончания института, какая работа его ждет. Об этом как-то не говорилось и не особенно думалось. Жили веселым, суматошным, беззаботным студенческим «сегодня». Шагали от зачета к зачету, от экзамена к экзамену, с курса на курс, напевая любимую песенку про студентов, которые живут весело от сессии до сессии, а «сессия всего два раза в год».

Таких, как Карелин, насчитывалось среди нас не так уж мало, но он, безусловно, был самым блистательным, все остальные выглядели просто Борькиными эпигонами. Его беспечность, общительность, эрудиция и вот это молодеческое отношение к жизни восхищали и заражали необыкновенно. Жизнь казалась бесконечной и будущее — изумительно прекрасным. Что же касается Бори Карелина, то никто не сомневался: судьба готовит ему что-то совершенно замечательное и все мы еще о нем услышим...

Часа через три, когда мои домашние разошлись обживать свои углы в новой квартире и разбирать скарб, мы остались с Борисом в кухне, за нехитрым, наспех собранным столом — намеком на новоселье. За окном чернел ранний осенний вечер, неуютный и холодный. По улице куда-то в поле уходил одинокий и пустой троллейбус. Непривычная тишина давила на уши.

— Тут, как говорит моя бабушка, волки по ночам

воют,— сказала я, пытаюсь разглядеть в оконной темноте признаки жизни большого города.

— Не расстраивайся,— успокоил Боря, заметно повеселевший от еды и питья,— через пару лет здесь все застроится, обживется, привыкнете... Когда мы переехали с Невского на проспект Художников — это у черта на куличках,— так тоже не по себе было первое время. А потом ничего, адаптировались. Свежий воздух — детям опять же полезно. И вообще человек ко всему привыкает. Иногда просто диву даешься, какой он приспособляющийся.

— Вы с родителями живете?

— Нет. С женой и двумя короедами. Пацаны у меня. Двойняшки. Квартира трехкомнатная, кооператив. — И, перехватив мой вопросительный взгляд, добавил: — Дорого, конечно. В месяц шестьдесят рэ набегает. Но ничего, тянем. Не зря же я сменил работу!

— Не зря?

Боря усмехнулся:

— Все, конечно, не так просто.

Да, это было мне понятно, понятно лучше, чем кому бы то ни было, как нелегко сменить профессию, тем более если шел к ней долго. Понятны связанные с этим мучительные сомнения, и угрызения, и радость, что наконец нашел себя, и досада, что произошло это так поздно.

Но Боря не сменил профессию, а отрекся от нее. Он отказался не только от диплома — от внутренней заявки на будущее. Как, почему все это произошло? И с чего началось?

— А началось с того момента, как я получил распределение в один крупный научно-исследовательский институт. И оказался перед необходимостью работать. Работать!

Лаборатория, в которую попал новоиспеченный инженер Борис Карелин, занималась источниками питания. В большой комнате, тесно заставленной столами, Боре выделили рабочее место, завалили книгами, отчетами по НИР, сказали «знакомьтесь» и оставили в покое. Некоторое время он добросовестно вчитывался, но вскоре заскучал, начал томиться и бороться с неудержимым желанием по закоренелой студенческой привычке «свалить» в кино, в пивбар или просто пошататься по городу. На бесхозного, предоставленного самому себе Борю никто не обращал внимания, будто забыли о нем. Лаборатория продолжала жить своей обычной жизнью, а молодой

специалист от нечего делать наблюдал эту жизнь со стороны, открывая для себя много любопытного.

Главный вывод, к которому пришел Борис, заключался в следующем: в каждый данный отрезок времени можно работать на всю катушку, без дураков, а можно вполсилы или даже в четверть; можно работать искренне, не заботясь о том, производишь ли ты впечатление занятого человека, а можно искусно имитировать бурную деятельность. И что самое важное — разницы в зарплате при этом никакой. Исходя из этих наблюдений, Карелин попытался классифицировать всех сотрудников по группам. Получились три основные группы, которые он условно обозначил так.

Первая — толкачи. Те, кто активно, самозабвенно продвигал работу вперед, находясь в неустанном поиске новых идей, новых решений, никогда не довольствуясь достигнутым. Они назывались мозгом лаборатории. Их было раз-два и обчелся.

Вторая — тягачи. Эти трудяги шли вслед за толкачами и добросовестно несли на своих плечах основной груз работы, как «чистой», так и черновой, неприятной. Их было несколько меньше, чем толкачей.

Третья — ибэдэшники — имитаторы бурной деятельности (бездельники в законе). Они не то чтобы совсем не работали — нет, какую-то лепту в общее дело вносили, конечно, но большую часть времени старательно маскировали ничегонеделание, пользуясь для этого широким арсеналом испытанных приемов. Этих оказалось много.

К четвертой, вспомогательной Карелин отнес смешанный тип работников, которые находились между основными группами.

Однако молодого специалиста в первую очередь заинтересовали ибэдэшники. Жилось им неплохо, голова ни за что не болела, как-то так уж повелось, что ничего особенного от них не ждали, а потому ничего необычного не требовали. И претензий по дисциплине труда к ибэдэшникам, как правило, не было. А к тягачам с толкачами — были. Эти, случалось, и на работу опаздывали (неважно, что они вечером уходили из института позже других), и в курилке могли задержаться. Не было в них регламента внутреннего, не звонил в них будильник ровно в положенный час, как в ибэдэшниках.

«Исследовательская» деятельность Карелина была в самом разгаре, когда его вызвал к себе завлаб. И Боря впервые почувствовал то необъяснимое и неприятное

волнение, которое возникает у человека, оказавшегося перед дверью начальника.

Прямо из его кабинета Борис отправился к завхозу, где получил под расписку ватник, резиновые сапоги, рукавицы, и наутро уже катил в автобусе вместе с другими молодыми специалистами в подшефный совхоз «выполнять дело государственной важности».

Вернувшись через месяц в лабораторию, Боря наконец был представлен своей непосредственной начальнице. Варвара Никитична проработала в институте тридцать лет, о чем любила напоминать при каждом удобном случае. Она руководила группой, куда кроме Карелина входили еще три человека. Боря обратил на нее внимание еще в первые недели работы, когда, классифицируя сотрудников, затруднился, к какой группе отнести эту суровую даму — к тягачам или скрытым ибэдэшникам. Безвылазно сидя за рабочим столом, не поддерживая возникавших в комнате посторонних разговоров, практически ни на что не отвлекаясь, она постоянно была в работе: что-то писала, чертила, высчитывала. При этом без конца зевала, прикрывая рот сухонькой ладошкой, сосала с утра до вечера леденцы, отчего к концу дня в ее персональной корзине для мусора скапливалась целая гора фантиков, и отмечала в календарике недели, оставшиеся до пенсии (хотя вся лаборатория знала, что на пенсию Варвара уходить не собиралась).

Когда кто-то из сотрудников подходил к ней с вопросом по работе, она вся подбиралась, поджимала губы, настораживалась и сверлила говорившего маленькими пронзительными глазками, пытаясь разглядеть, не несет ли он в себе скрытую для нее опасность. Довольно часто Варвара ссорилась с сослуживцами, после чего демонстративно пила валерьянку, шмыгала носом и смотрела на всех с таким видом, будто говорила: «Вот видите, до чего вы меня довели», но, к чести своей, зла ни на кого долго не держала. Она относилась к той категории людей, которые любят представлять собственные похороны, жалея, что смогут на них присутствовать лишь в незавидной роли виновника торжества. За выражение неизбежного страдания на лице сотрудники прозвали ее Варварой-Великомученицей.

Опорой Варвариной, валом крепостным, личным телохранителем были ее огромный опыт, на который она неизменно ссыалась, проверенные годами методики расчетов плюс фантастическая добросовестность. Варвару очень ценили, и разработчиком она считалась не-

плохим, когда не пужно было решать ничего принципиально нового, так как этого нового она боялась как огня.

Начало Бориной деятельности пришлось на довольно спокойный период в жизни лаборатории. Тема была в разгаре, сроки не поджимали, народ работал не спеша, без нервов. Варвара подкидывала Боре время от времени кое-какую пехитрую работенку: здесь данные переписать из одного документа в другой, тут внести в чертеж изменения, там тушью обвести.

Все шло своим чередом. Кипы чертежей, документации и связанной с этим утомительной, однообразной и почти бездумной работы, казавшейся Борису случайной, необязательной. Карелин даже для себя не мог сформулировать, какую задачу он решает и какой вклад вносит его труд в то большое и, видимо, важное дело, которым занималась лаборатория. Связь решительно не прослеживалась. Боря терпеливо ждал, когда кончится эта катавасия с бумажками и начнется собственно работа. Ведь должна же она когда-нибудь начаться!

Потом вдруг разразился аврал. Выяснилось, будто что-то куда-то нужно срочно сдавать, а еще ничего не сделано. Прибежал начальник с выпученными глазами, поднялся крик, стали выяснять отношения. В поисках виновных конструкторы торговались с разработчиками... Заказчик грозил крупными неприятностями. Пахло жареным: горела премия. Началась беготня, запарка, работа по субботам. Варвара-Великомученица не убирала со стола пузырек с валерьянкой, ходила с утра до вечера с поджатыми губами. Карелин был на подхвате.

— Боря, бегите скорей в стандартизацию. Надо завизировать у них схемы. Срочно! Кровь из носу!

И Боря бежал через весь институт в отдел стандартизации, где сидела дюжина женщин всех возрастов, которые никуда не торопились, где пахло духами, пудрой и пылью. Боря улыбался, делал комплименты, рассказывал анекдоты, интересовался здоровьем — и все для того, чтобы схемы эти злополучные не в дальний угол бы сунули, а проверили, и не через месяц, не через неделю, а сегодня же, сейчас. Потом та же история повторялась у технологов — и снова просьбы, анекдоты и обещания.

Одно время это казалось довольно увлекательной игрой — собрать все подписи в фантастически короткий срок и с улыбкой триумфатора принести документы в лабораторию. Но постепенно у Бори стало складываться

ощущение, что весь институт работает исключительно по принципу личных одолжений.

Затем вдруг опять воцарилась тишина. Все успокоились, простили друг другу обиды. Снова стали вместе пить чай с пряниками. Дружно ходили курить. Отмечали дни рождения. Выращивали огурцы, чтобы на майские праздники удивить соседние лаборатории салатом. Спорили, как и когда делать искусственное опыление. А там — лето... Дачи, загородные поездки, отпуска... И хроническое нежелание работать, ослабевавшее только к первым холодам. Нет, не у всех. Были такие, которые и в коллективных чаепитиях не участвовали — некогда, и к огурцам относились индифферентно. Ни лета, ни солнца за окном для них будто бы не существовало. Особенно один выделялся, в уголке, у осциллографа, — Хмырь (фамилия у него была Хмырев). Тихонький, серенький, как мышка. Пиджачишко потертый, рубашонка, застиранная до неприличия, стрижка «под полку» — мозг лаборатории, гордость отдела. Двадцать семь лет. Рассказывали, у него трое детей и жена-ведьма. В обед — все к дверям, в столовую, а этот сидит, бутерброд свой развернет из газеты и жует, не отрываясь от осциллографа, запивая чаем из термоса.

В его углу, бывало, толпились несколько толкачей. Хмырь, сидя на краешке стола и торкая ближайшего соседа в плечо тощим пальцем, что-то втолковывал, внушал, доказывал. Боря Карелин на другом конце комнаты прислушивался к их разговорам. Каскад, стабилизатор, обратная связь, защита, опорное напряжение... Каждое слово по отдельности было в общем понятно, но вместе в логическую цепочку не выстраивалось. Но, даже не улавливая сути бесед, Карелин понимал, что именно там, в углу, и идет настоящая работа. И это его странно и неприятно беспокоило.

В коллектив Борис влился естественно, легко, сразу. Даже с Варварой ему удавалось найти общий язык и вызвать в старой деве некое подобие материнских чувств. Никто в лаборатории не мог лучше Бори рассказать анекдот, сочинить стишок к юбилею сотрудника или организовать день здоровья так, чтобы все еще долго вспоминали карелинские шашлыки с дымком. И все бы ничего, если бы не работа, начинавшая Борю изрядно утомляет. Он по-прежнему жил в ожидании большого и интересного дела, для которого, как ему казалось, был создан, и потихоньку начинал заваливать дела маленькие и неинтересные. Варвара, ни в чем не терпев-

шая непорядка, неукоснительная и методичная, уже не раз указывала ему на ошибки в схемах, небрежности в оформлении документации и т. п.

Как-то Боря позволил себе намекнуть начальнице, что способен вообще-то на более интеллектуальную работу. На что Великомученица, не отрывая головы от своих бумажек, заметила коротко:

— Сначала азы освойте!

Боря в позу: сколько можно осваивать азы, сколько можно заниматься этой бумажной рутинной? Может ли он рассчитывать здесь на самостоятельную, творческую работу или так и будет в мальчиках бегать?

Варвара от неожиданности даже леденец свой заглотнула не рассосав. Очки сняла, на Борю посмотрела, как впервые увидела, и вдруг рассмеялась.

— Мне,— говорит,— смешно вас, голубчик, слушать. О какой самостоятельной работе может идти речь? Для этого надо как минимум быть специалистом. А вы — уж не обессудьте! — специалист только на бумаге, как, впрочем, и большинство молодых инженеров, которые к нам приходят после вузов. Мы уже перестали этому удивляться. Вы, Боренька, скажу я вам, безграмотны, не знаете элементарных вещей: как схему начертить в соответствии с ГОСТом, как выписать требование на детали, как правильно оформить технический документ, написать служебную записку... Более того,— и это самое ужасное — вы не умеете трудиться, не умеете делать над собой усилие!

Варвара говорила истину. Боря не был подготовлен к труду, не имел представления о том, что называлось производственным процессом. Он не понимал внутренней сути инженерной работы, ее изнанки. Представление об инженере, как о человеке, придумывающем схемы и рисующем их на клочке бумаги, заложенное в вузе, до смешного не соответствовало реальному положению вещей.

— Поймите и запомните на всю жизнь,— внушала Варвара,— разработать схему — самая незначительная часть работы. Ваша задача как инженера заключается в том, чтобы обеспечить жизнеспособность разработки, превратить ее в промышленную продукцию. Вот тут-то и начинается так не любимая вами бумага: технические условия, программы и методики испытаний, инструкции по эксплуатации, протоколы настройки, ведомости согласования, карты режимов. И все это надо писать, потом согласовывать, корректировать и снова писать...

— Так что же, — взорвался Боря, — я должен заниматься всю жизнь этой писаниной?

— И писаниной тоже. Как же иначе?

— А он? — И Боря кивнул в сторону Хмырева угла. — Что-то не замечал, чтобы он писал ведомости с инструкциями.

Варвара сразу губы поджала, в себя ушла. Хмырь был ее идейным противником. Он со своими оригинальными идеями, неустанным поиском нового, устремленностью в будущее вышибал почву из-под ног осторожной Варвары, вынуждал ее ломать отработанные методики расчетов, па нет сводя весь ее опыт. Он лишал ее чувства устойчивости, надежности, а этого Варвара простить ему не могла.

После разговора с начальницей Боря Карелин потянулся к Хмыреву, как к живительному источнику, он тоже хотел творчества.

Хмырь тихим голосом с ним поговорил, предложил схему одну маленькую разработать. Боря взялся с энтузиазмом. Тык-мык — ничего не вышло. Тогда обложился книгами, учебниками, кое-как, пользуясь аналогами и готовыми схемами, что-то слепил, но внутренне чувствовал: чушь получилась полная, и нести Хмырю боялся, все оттягивал. Наконец Хмырь сам подошел, повертел набросок в руках и улыбку не сдержал:

— Работать-то она у тебя как будет? — И, заметив Борино замешательство, миролюбиво добавил: — Давай, что ли, вместе разбираться.

Просидев с Борей полчаса и растолковав, что к чему, сказал:

— Работай, старик. Сделаешь — подходи. Идейки какие возникнут — тоже подходи, — и снова забился в свой угол.

Боря не подошел ни на следующий день, ни через неделю. И Хмырь к нему больше не подходил. Он все понял.

Карелин вернулся под Варварино крыло, она простила измену, поскольку никогда и не сомневалась, что он не приживется у Хмырева.

Так Боря пережил первое в своей жизни фиаско.

Постепенно у него выработалось стойкое отвращение к работе, и он отсиживал положенное время в «присутствии» со скрежетом зубовым, пользуясь любой возможностью «сачкануть», увильнуть, проволынить, схалтурить и проявляя при этом удивительную изобретательность. Своим домашним Боря жаловался на рутину, от-

существование интересной работы, косность начальника... Ожидание перемен становилось все более тягостным. А Хмырь, тихий, умный Хмырь в углу у осциллографа был его вечным укором.

Вскоре кончился срок трехлетней стажировки молодого специалиста, и веревочка, связывавшая его с институтом, развязалась. Тут как раз произошло в жизни Бори важное событие: его жена, учительница пения, родила двойню. Сразу возникла масса проблем. На сто тридцать не очень-то разживешься семьей в четыре человека. И начались для молодой семьи черные дни. Когда же Карелиным, имевшим пятнадцать метров в коммуналке, предоставили возможность получить кооперативную квартиру, Боря схватился за голову. Жена не устраивала ему ни сцен, ни скандалов, а только тихо смотрела в лицо с немым вопросом. И Боря, никогда не страдавший от неуверенности в собственных силах, вдруг почувствовал себя немощным и беспомощным.

И вот тут-то позвонил Боре его давнишний знакомый и, узнав ситуацию, предложил по дружбе теплое место в Лентрансагентстве.

— Не бойся, Боб, тут нашего брата инженера — каждый второй.

И Борька пошел в грузчики, положив свой диплом в коробку из-под торта...

— Ты знаешь, до сих пор не осознал до конца, что же произошло. — Боря курил, глядя в темное окно. — Иногда вдруг как-током ударит, аж в глазах черно — думал: что я, дурак, сделал? Как я мог? Впрочем, ладно, хватит! Что сделано, то сделано. — Боря выпрямился, вздохнул глубоко, улыбнулся: — Плесни-ка еще кофейку, хозяйка. Как мы там в студенчестве любили повторять: «Будем веселы, пока мы молоды, а молоды будем всегда»? Кстати, эти двое ребят, с которыми мы сегодня работали, не обратила внимания?

— Обратила. Оба — наши коллеги?

Борис рассмеялся.

— Не совсем. Саша — это который брюнет — инженер-механик, Володя — техник.

— А шеф?

— Шеф, он и есть шеф. Ушлый мужик, хватка как у волкодава. Подобрал себе бригаду интеллигентов. Мы вкалываем, а он... ну как сказать? — Боря замялся.

— А он берет на себя клиента?

— Ну, в общем, да.

Впрочем, как я поняла, это вполне устраивало и са-

му бригаду: не по душе им была щепетильная процедура — обработка клиента.

Мы стали вспоминать наших однокурсников. Со многими из них Боря продолжал поддерживать отношения.

— Сашу Леонтьева помнишь?

— Из четырнадцатой группы, высокий такой?

— Вот-вот. Так он теперь в «Метрополе» официантом. Иногда захожу к нему обедать. Ира Скворцова — экскурсоводом в Александро-Невской лавре. Сережка Марков, староста курса, четыре года инженерил — в телеателье сейчас мастером по ремонту цветных телевизоров. Толик Павлов...

— Что, и Толя? Он был лучшим студентом на курсе.

— Толя Павлов — инструктор обкома комсомола.

— А Ваня Круглов? Не знаешь?

— Ванька — инженер в каком-то НИИ. Петя Астахов — друг его — в аспирантуре, скоро защитится, говорят. Кстати, на Ленке Гурьевой женился, помнишь, они все парочкой ходили? Ленка знаешь где работает? Распределителем мест на рынке. Страшно блатная работа. А до этого соки продавала во фруктовом магазине на углу Невского и Литейного. Вот так-то, — резюмировал Боря. — Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. А ты помнишь, какой у нас был потрясающий курс! Сколько талантливых ребят! А как мы жили! Смотры нашей самостоятельности помнишь? Актный зал битком набит, на улице спрашивают лишний билетик. А стройотряд в Карелии? Как мы ту узкоколейку в глухом лесу прокладывали, как вкалывали по двенадцать часов, как нас комары жрали. А вечером возвращались в лагерь и еще танцы устраивали, песни пели! Откуда столько сил было? А помнишь, как в свой единственный выходной за два месяца работы мы местным сено косить помогали? Навалились тогда всем отрядом и недельную норму их выполнили. А последний звонок? А гимн наш факультетский? Как стоя его пели, когда нам дипломы вручали? И ромбики, еще не обмытые, в потном кулаке сжимали. Помнишь?

И Боря вдруг запел наш факультетский гимн, сначала тихонько, с улыбкой, невнятно, а потом все громче, смелее. И вот я уже подпеваю ему:

Прочертят темноту
Следы осциллограмм,
Но мы найдем одну из них — свою.
Сквозь дебри конденсаторов шагаем
Мы упрямо,
Как в трудном и решительном бою...

Поздно вечером, когда мы прощались с Борисом в прихожей и он уже натягивал пальто, собираясь уходить, в дверях неожиданно возникла бабушка. Вытащив из кармана передника сложенную вчетверо пятирублевку, она демонстративно протянула ее Борису:

— Это вам, Боря, за труды,— и гордо распрямила свою старушечью спину.

Боря стал пунцовым. Возникла тягостная пауза. Все словно оцепенели.

— Спасибо! — сказал Борис, оправившись от смущения. — Но в таких размерах на чай не берем. Вот внучка вам объяснит.

Он посмотрел на нас печальными глазами, вежливо и чуть церемонно поклонился бабушке, пожал руку мне и ушел.

— Ну за что ты человека обидела, бабушка?

— За что? А ты не понимаешь, за что? Стыд бы поимели: Танька соками торгует, Ванька в ресторане прислуживает... Я все слышала, здесь стены тонкие... Их пять лет учили — для чего? Для чего, я тебя спрашиваю? И стипендию платили. Платили или нет стипендию?

И бабушка вдруг стукнула кулаком по столу с такой силой и так блеснула глазами, что я ясно увидела ее молодой, в красной косынке, на трибуне, а вокруг комсомольцы шумят, а за окном двадцатые годы... Ох, бабушка, бабушка!

— На них государство надеялось, думало, специалистов растит, а они... Тьфу! Пирожки ни с чем — вот вы кто!

И, хлопнув дверью, она ушла к себе.

С Борисом Карелиным мы встретились снова года через два. Я мерзла на остановке автобуса, когда ко мне подкатили новенькие синие «Жигули». Дверца распахнулась, и знакомый голос крикнул:

— Залезай, подвезу!

В салоне было тепло, тихо играла приятная музыка.

— А ты сам-то куда едешь? — спросила я.

Он пожал плечами:

— В неопределенном направлении.

Боря, в распахнутой дубленке, вальяжный, за рулем собственной машины, смотрелся как на картинке. Он раздобыл, а лицом, пожалуй, поскущнел немного.

— Ты все там же работаешь, в Лентрансгентстве?

— Да, но теперь шофером. Здоровья нет мебель таскать. Как тебе моя игрушка? — Боря похлопал по рулю.

— Хорошая игрушка.

— Шестерочка. Новая. Месяц назад купил.

Мы помолчали. Разговор почему-то не клеился.

— Может, зайдешь чашку кофе выпить? — спросила я, когда мы подъехали к моему дому.

— Спасибо, не могу. Мне еще поработать малость надо. — Он заговорщически подмигнул. — Из вашего района сейчас косяком едут.

— Кто? — не поняла я.

— Клиенты. — И он кивнул в направлении стоянки такси, где выстроилась длинная очередь.

— А-а-а...

— Что делать, — развел руками Борис. — Жить-то надо. Как говорится, не в деньгах счастье, но и не в их отсутствии. Правильно?

— В общем, правильно.

— Ну вот. Передавай привет бабушке, она у тебя славная. Надеюсь, уже не сердится на меня?

Боря захлопнул дверцу и, высунувшись из окна, оглядел меня критически.

— Слушай, а хочешь, я тебя по блату к нам в контору устрою? Диспетчером. Хорошее место. Приоденешься. Ей-богу, не пожалеешь. Подумай, а?

Татьяна Бутовская

Грации, синьора !

Он пришел в двенадцать пятнадцать — в точно указанный диспетчером «аварийки» срок.

— Ждали?

И ярко улыбнулся. Сверкнули ровные, как у киноактера, зубы.

— Проходите, проходите,— заторопилась я. — Над раковиной из трубы...

— Момент! — сказал он. И, стягивая кожаный пиджак, спросил: — Где тут у вас вешаются?

— Вот, пожалуйста! — распахнула я дверцы стенного шкафа.

Он аккуратно пристроил пиджак на «плечики», тронул расческой рыжеватые кудри.

— Позавчера, когда муж чистил картошку,— начала я свои объяснения,— из трубы...

— Момент!

Открыв «дипломат», он достал портативный японский магнитофон и нажал на блестящую кнопку. Дневная тишина квартиры взорвалась бешеными ритмами:

— Ва-ва-ва-ва!.. Ва-ва-ва-ва!..

Я вздрогнула.

— Не нравится? — искренне огорчился он. — Момент!

Надавил на другую кнопку, и прихожую заполнил темпераментный голос популярной певицы:

— Жизнь невозможно повернуть назад!..

В такт этому философскому напеву он, пружиня подошвами фирменных «кроссовок», протанцевал на кухню. Оглядел раковину, присвистнул. Затем вытащил из «дипломата» разводной ключ, паклю, какой-то патрубков.

— Жизнь невозможно повернуть назад!.. — замурлыкал он, принимаясь за работу.

Обрезок проржавевшей старой трубы полетел на пол. Я наклонилась, чтобы его поднять.

— Момент! — вежливо отстранил он меня локтем. И мягко посоветовал: — Посидите отдохните. Я быстро!

В комнате я опустилась в кресло. Стало вдруг неловко, что я одета в тусклое домашнее платье из штапеля, что на ногах — шлепанцы, а волосы плохо выкрашены. Что я сто лет не была в театре, пропускаю выставки, а как танцуют уже, наверное, так никогда и не вспомню. Захотелось красиво закурить, посидеть вечером в каком-нибудь баре, загадочно поглядывая из-под ресниц на своего спутника. Что из того, что им будет, скорее всего, мой собственный муж? Разве образ жены не должен хоть изредка окутываться таинственной дымкой? Это освежит устоявшиеся чувства...

— Жизнь невозможно повернуть назад!..

А на кухне деликатно — чтобы не мешать мне отдыхать! — позвякивали инструменты.

«Какие, однако, подросли ребята! — подумалось мне. — До чего же мы нынче дожили! Музыка, красота, обаяние! Это тебе не какой-нибудь прежний дядя Вася в промасленных кирзухах и сплюснутой кепке. Это, это...»

Слов для развития пришедшей в голову мысли у меня больше не находилось. Я встала и заглянула в шкапулку из Хохломы, где у нас хранится семейный бюджет. Рубль, еще рубль... Трояк... Пятерка... Не густо! А до моей ближайшей библиотечарской зарплаты — неделя. Правда, у мужа в КБ дадут раньше, в пятницу...

— Принимайте работу! — крикнули из кухни...

Обновленный кран сиял. Вместо ржавой трубы красовалась другая — целехойнская.

— Спасибо! — восхищенно сказала я. — Огромное вам спасибо!

В ответ он скромно улыбнулся своей киноактерской улыбкой. Затем собрал инструмент, упрятал его в «дипломат», выключил «Сони» и надел кожаный пиджак. Свежее лицо его было спокойно и полно достоинства.

Я комкала во влажной ладони пятерку. Дать или не дать? Обидеть человека легко... Хотя бы намек какой-никакой подал! Глазом бы повел!

Но намека не последовало. А голубой его глаз скопился в сторону лишь для того, чтобы взглянуть на висящий на стене эстампик: группа берез в осенней листве.

— Природой увлекаетесь? — осведомился он.

— Увлекаемся... — пробормотала я.

Он четким движением указательного пальца отвел защелку дверного замка.

— Будьте!

Я схватила его за кожаный рукав:

— Прошу вас! Умоляю!

— В чем дело? — вскинул он, оборачиваясь, светлые брови.

Покраснев до самых корней своих плохо покрашенных волос, я протянула ему пятерку. Терзал стыд, что она такая мягкая и потрепанная.

— Вот...

Видимо пожалев меня, он просто, не чинясь, взял скомканную бумажку.

— Граacie, синьора!

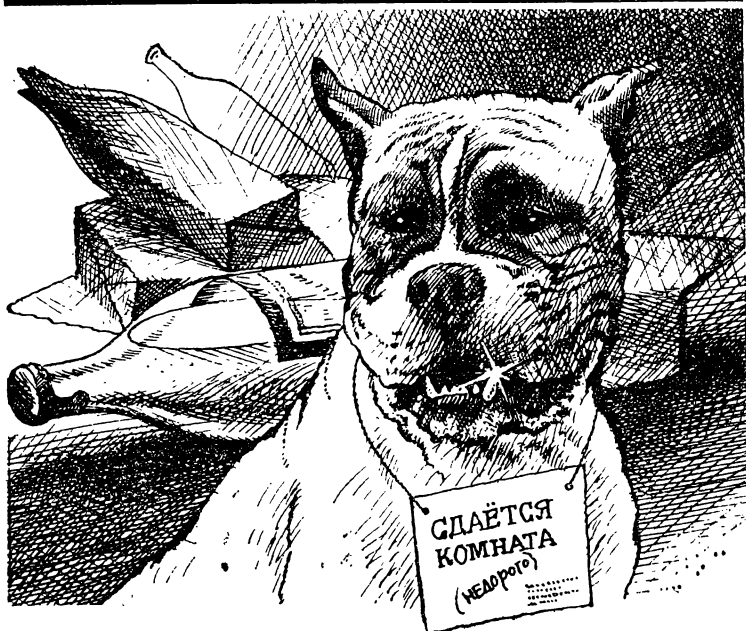
Почему-то даже не удивило, что он поблагодарил меня по-итальянски.

Двери захлопнулись.

Я снова приоткрыла хохломскую шкатулку. Рубль, еще рубль... Трочка... Ничего! Как-нибудь продержимся. Не надо только позволять себе лишнего.

Элла Фонякова

Во сне и наяву

Минувшей ночью мне снилось, будто правонарушениям в Ленинграде, как и во всей стране, пришел конец, профессия юриста стала ненужной, я работаю уже не следователем, а гидом в городском экскурсионном бюро и вожу экскурсии по местам былых сражений с преступностью. Интерес к этой теме высок, она пользуется не меньшей популярностью, чем рассказы о подвигах чекистов... Вот и вчера, взяв возле Гостиного двора группу слушателей, я направился вместе с ней на площадь Мира. Напротив огромного пустыря между станцией метро и задним двором Октябрьского рынка я попросил экскурсантов остановиться и сказал:

— За этим пустырем, товарищи, находились винно-кондитерский, лабазный, молочный, мясной и рыбный склады крупной торгово-закупочной продовольственной базы. Долгие годы на них орудовали жулики. Они занимались сбытом «левых» товаров, полученных из других торговых организаций, а у себя на складах практиковали такие способы хищений, как изъятие из стандарт-

ной тары кондитерских, табачных, винно-водочных изделий, круп, сахарного песка и создание прибыльных пересортиц. Делалось это, как правило, ранним утром или после окончания рабочего дня, а иногда и ночью. Сняв колпачки с бутылок, они отливали по пятьдесят граммов водки, вместо нее доливали воду, потом надевали колпачки и притирали их к бутылкам. Отделив бандерольную ленту от коробок с конфетами, вытаскивали из-под нее крышки и снимали верхний слой конфет, потом подсовывали крышки под ленту и заново склеивали их. Из бочек они похищали рыбу, а вместо нее заливали соленую воду. Для хищения круп, сахарного песка использовали щуп — подобие большого шила с полой иглой и ручкой. Щуп, не повреждая ткань, они вставляли в мешки, по нему в подставленное ведро вытекало их содержимое. На молочном складе масло первого сорта перетаривали в коробки от масла высшего сорта и сбывали в столовые. Зато потом излишки масла высшего сорта под видом первого сорта отдавали для сбыта доверенным лицам из магазинов, а разницу в стоимости сортов делили. Искусственное создание прибыльных пересортиц было одним из способов хищения также на рыбном и мясном складах...

Экскурсанты слушали мой рассказ внимательно. Только молодой лохматый парень в очках и в куртке со множеством кнопок, по-видимому студент, не вытерпел.

— Позвольте,— перебил он меня. — Вытаскивая конфеты из коробок, крупу из мешков, рыбу из бочек, они обворовывали самих себя...

— В том-то и дело, что нет. Мешки, ящики, коробки и бочки с внутритарными недостатками кладовщики сразу отпускали получателям,— объяснил я,— и недостатки переключивали таким образом к ним.

— И что же потом? — допытывался студент.

— Потом бывало по-разному. Недостачи рано или поздно вскрывались, но в магазинах, например, где учет суммарный, природу их определить уже было трудно. В тех случаях, когда они обнаруживались в результате самопроверок, работники магазинов стремились покрыть их за счет обмана покупателей либо путем получения на базе «левых» товаров, нередко тех, которые были украдены у них же. Бывали и такие случаи, когда получатели, особенно иногородние, выявляли эти скрытые недостачи при перевешивании товаров после доставки на место. Тогда они предъявляли к базе претензии и требовали возмещения ущерба.

— Много ли было таких претензий? — поинтересовалась скромно одетая пожилая женщина, по всей видимости бухгалтер.

— Как вам сказать, — ответил я. — В квартал, если брать по каждому складу, то немного. За год их накапливалось порядочно. Особенно по вино-кондитерскому, лабазному и рыбному складам. Получатели писали, например, об обнаружении в бутылках с водкой размокших окурков, табачного пепла, о том, что в коробках с конфетами не хватает верхних рядов, или о том, что в бочках с рыбой, полученных по весу брутто, вес нетто не соответствует указанному в трафарете.

— Любопытно... — заметил студент. — Как же поступало в таких случаях руководство базы?

— Иногда оно назначало проверки. Эти проверки редко заканчивались взысканием недостатков с кладовщиков. Получателям, как правило, рекомендовалось требовать возмещения недостатков от фабрик — изготовителей продукции либо списывать их как естественную убыль, возникшую при транспортировке товаров.

— Явно незаконные рекомендации! — возмутилась женщина-бухгалтер.

— Как раз об этом и писали на базу некоторые получатели, — согласился я с ней. — Они прямо указывали, что товар украден и списывать его недостачу на естественную убыль недопустимо.

— В торговле всегда были честные, прямые и смелые люди! — послышалась чья-то реплика.

Ее заглушили голоса других экскурсантов:

— Выходит, руководство было заодно с ворами!!!

— Наверняка ему подбрасывали... — не без ехидства заметил студент.

— Да, оно получало свою долю, — подтвердил я. — Кладовщики или их заместители ежемесячно вручали директору и его заместителю определенные суммы денег. Эти поборы почему-то назывались абиссинским налогом.

— Как же в этих условиях работали ревизоры? — полюбопытствовала женщина-бухгалтер.

— Ревизоры управления пользовались репутацией самых деликатных людей. Они никогда ничего не просили, но о своем приезде на базу звонили ее руководству заранее. Приехав туда, они отсиживали за бумагами положенный срок, в акт включали лишь безобидные нарушения и, получив за это вознаграждение, удалялись...

— Сколько же эта банда успела украсть? — спросил студент.

— За несколько лет она причинила государству ущерб на сумму свыше двухсот тысяч рублей.

— Ничего себе! — зашумели экскурсанты. — На что же были потрачены эти деньги?

— На приобретение дач, машин, мебельных гарнитуров, золотых украшений, хрусталя, ковров. Первенствовал здесь заведующий винно-кондитерским складом. Своему бульдогу он надел на клыки золотые коронки.

— Куда же смотрели люди? Соседи по дому, например? — спросила миловидная девушка, стоявшая рядом со студентом.

— Люди возмущались и, как всегда в таких случаях, ругали следственные органы. На большее у них пороку не хватало, — объяснил я ей.

— Неужели невозможно было вовремя пресечь все это? — раздался чей-то негодующий голос.

— Почему же невозможно? Это могли сделать и милиция, и прокуратура, — ответил я. — Только надо было глубоко и серьезно проверять поступавшие к ним сигналы о преступлениях. В милицию, например, неоднократно приходили письма о воровстве и взяточничестве на базе, как анонимные, так и подписанные, в основном уволенными работниками. Анонимными пренебрегали, их оставляли без всякой проверки, подписанные проверялись, но поверхностно и без сопоставления с другими сигналами, а потом сдавались в архив. Там эти письма уже никто не анализировал. Претензии тоже были своеобразными сигналами, но они подвергались проверке прокуратурой в лучшем случае один раз в квартал. За более длительный срок в разрезе каждого склада никто документы не контролировал. Когда же прокуратура занялась наконец анализом накопившихся на базе претензий, поступавших в милицию жалоб и заявлений, то организовала целенаправленную ревизию бухгалтерских документов в магазинах, возбудила дело и провела одновременные обыски у руководителей базы и кладовщиков. Судьба преступной группы была решена...

Закончив беседу на площади Мира, я повел экскурсантов к остановке автобуса № 50, и минут через десять мы были уже на углу Театральной площади и улицы Глинки.

— Взгляните, товарищи, на этот дом, — указал я на пятиэтажное, украшенное лепниной здание. — Таких домов в Ленинграде много, но этот получил известность

потому, что в нем длительное время размещался ведомственный жилотдел. Его окна на первом этаже, видите? Так вот: все три инспектора и начальник жилотдела были взяточниками... Не подумайте, что они брали взятки за незаконное предоставление жилплощади или необоснованное улучшение жилищных условий. Они принимали на учет только тех, кто имел на это право. За взятки, полученные от лиц, желавших удовлетворить свои интересы побыстрее, они шли к руководству, умело докладывали дела и возвращались с резолюциями: «Срочно», «В первую очередь» и т. д. Кроме того, они скрывали от учета однокомнатные квартиры, освобождавшиеся после смерти съемщиков-одиночек. На эти квартиры взяточники оформляли ордера, возвращенные другими гражданами, предварительно вытравив в них прежние записи. Контроль общественности за работой жилотдела отсутствовал. Общественное мнение о его деятельности никто не изучал. Между тем разговоров было много: инспектора жили явно не по средствам и не скрывали этого. Достаточно сказать, что у одной из них при обыске, проведенном после возбуждения уголовного дела, удалось обнаружить около ста изделий из хрусталя, много золотых украшений, десять шуб, пятьдесят пар импортной обуви, несколько дорогих сервизов из фарфора, целую коллекцию зарубежных вин и коньяков.

— Как же они попались? — спросила та же наивная девушка..

— Их вывел на чистую воду один из очередников, — ответил я. — Он был в числе нуждающихся в улучшении жилищных условий, поскольку проживал с женой и взрослой дочерью в коммунальной квартире, занимая маленькую комнатку. Как-то два его знакомых, поставленных на очередь позже, но получивших площадь раньше его, сказали ему о том, что дали взятки. Гражданин привел их обоих в прокуратуру...

— Если бы он сам не был заинтересован, то не поступил бы так, — скептически заметил кто-то из экскурсантов.

— Не согласен, — возразил я, — человек он принципиальный. Он и раньше не боялся постоять за правду там, где это требовалось, независимо от своих личных интересов.

— А его знакомых привлекли? — спросил студент.

— Нет, — ответил я. — Они ведь добровольно заявили о даче взяток и от уголовной ответственности в соответствии с законом были освобождены.

— А площадь у них отобрали? — поинтересовалась девушка.

— Оставили за ними, поскольку они имели на нее право...

— И все-таки я убежден, что как этих, так и базовских жуликов можно было обезвредить гораздо раньше, — произнес студент. — Они завелись и долго процветали только благодаря инертности, безразличию тех, от кого зависело их своевременное разоблачение.

Я собрался ехать с экскурсантами дальше, но тут и они, и дом на улице Глинки погрузились в темноту. Сон оборвался. Я ощутил несколько ударов в бок чем-то острым и понял, что это бьет жена, локтем. Разбудив меня, она сказала:

— Перевернись... Сколько можно просить? Лежишь на сердце и городишь какую-то галиматью... Окурки в бутылках, абиссинский налог, золотые коронки у собаки...

Я повернулся и подумал: почему же галиматью? Только разве с гидом и экскурсией что-то не совсем так, но ведь на то и сон! А все остальное было, было в действительности. Это точно! Вчера, возвращаясь с места происшествия, я ехал в автобусе № 50 мимо площади Мира к улице Глинки и вспоминал дела, которые когда-то расследовал в этих краях. На Театральной площади вышел из автобуса, купил пирожков и направился к прокуратуре кратчайшим путем. У Львиного мостика через канал Грибоедова меня остановили сначала девушка, потом молодой человек: «Что у вас? Вы не сдаете? Нужна квартира или комната?» За ними потянулись другие... Я много слышал об этой толкучке, но своими глазами не видел ее никогда. Решив понаблюдать за тем, что здесь происходит, я вошел в соседний скверик и сел на скамейку. За решеткой, на набережной, продолжала топтаться кучка людей, в основном молодого и среднего возраста. Двигались эти люди беспорядочно, изредка обмениваясь друг с другом короткими репликами. Когда же поблизости появлялся новый для них человек, они устремлялись к нему, как булавки к магниту...

— Забавное зрелище, — сказал я бабушке, которая сидела рядом. — Давно ли здесь эта толкучка?

— Лет пять уже, — ответила бабушка. — Раньше на Малковом переулке была. Там разогнали — стали ездить сюда. Удобно. Из любого района легко попасть.

— И не гоняют?

— Гоняют, а толк-то какой? Вон развесили предупреждения: за расклейку объявлений на стенах — штраф десять рублей. Все равно клеют. Пишут свои адреса, телефоны — только штрафуй! И ведь не увидишь объявлений «сдаю». Все «сниму» да «сниму». Люди нуждаются во временном жилье. Гостиницы не всех могут удовлетворить и не всегда. Вот и едут сюда студенты, приезжие, военные. А кто сдаст им здесь площадь? Тот, кто хочет сорвать побольше и от налога увильнуть, спекулянты. И еще алкоголики, сводницы...

— Да-а,— понимающе вздохнул я.

— Никому до этого дела нет,— продолжала бабушка. — Моя дочь живет в соседнем доме, он на капитальный ремонт идет. Год уже его расселяют и еще год будут расселять. Квартиры коммунальные, половина комнат пустует. Почему бы не сдавать их тем, кто приезжает в Ленинград в командировку, на учебу, брать у них подписки об освобождении комнат по первому требованию? Будет подходить время ремонта — предложить переехать в другой дом. Такие дома есть рядом. И людям хорошо, и государству. Только спекулянтам пришлось бы от этого тугο. Так нет, будут штрафовать, гонять людей, как будто этим можно что-то решить. Скажу больше. Здесь не только торгуют государственной жилплощадью. Сюда приезжают и настоящие проходимцы, чтобы заманить неопытных, подпойть и обобрать или еще что-нибудь сделать... с девушками, например...

Моя собеседница говорила правду. Меня не надо было убеждать в этом. Совсем недавно пришла ко мне приятная молодая женщина, мойщицей окон в «Невских зорях» работала, замужем дважды была, и оба раза неудачно. Пришла и подала заявление: «Прошу привлечь к уголовной ответственности гражданина Бринчука за изнасилование». Я предложил ей рассказать, как все это было. Оказалось, что она, расставшись со вторым мужем, направилась к Львиному мостику, чтобы снять комнату. Бринчук заметил ее, представился инженером и сказал, что может сдать ей по сходной цене свою однокомнатную квартиру, поскольку сам он живет у жены. Она посмотрела квартиру и в тот же день перевезла туда свой гардероб: дубленку, демисезонное пальто, костюмы, платья, шляпы и парики, белье и обувь. Неделию спустя поздним вечером в квартиру позвонили. Она открыла дверь и увидела хозяина. Бринчук объяснил, что был рядом по делам, задержался, домой ехать далеко, транспорт ходит редко, и попросил разрешения перено-

чевать на кухне, на раскладушке. Она согласилась: не выгонять же человека из собственной квартиры на улицу! Он сказал, что у него с собой есть бутылка хорошего вина, и предложил выпить за знакомство и новоселье. Выпили, поговорили немного. Бринчук ушел на кухню, поставил раскладушку и выключил свет. Вскоре она заснула, а проснулась оттого, что ощутила на своем лице его горячее дыхание...

— Когда это случилось? — спросил я у заявительницы.

— Разве это имеет значение? — возмутилась она. — Допустим, полгода назад...

— Почему вы сразу не подали заявление?

— Я надеялась, что он отдаст мне мои вещи...

— Он их вернул?

— Нет, до сих пор держит у себя...

— А когда вы ушли от него?

— Да вот уже месяц... Я бы раньше ушла, если бы было куда...

— У вас следы насилия были?

— Какие следы?! Я же спала...

— Простите, но одного вашего заявления, притом запоздалого, маловато для привлечения к уголовной ответственности...

— Маловато? Для такого развратника, как Бринчук, маловато?! А сколько девушек он обидел! Одна до меня жила. Я познакомилась с ней, когда она за своими вещами приходила. Бринчук ей тоже не отдавал...

Я разыскал эту девушку, чтобы проверить доводы заявительницы. Она вела себя замкнуто и далеко не сразу рассказала о том, как попала в сети к Бринчуку. Но это была совсем другая, полная драматизма история.

— Почему вы не заявили о случившемся? — спросил я у девушки.

— Боялась позора, — ответила она. — И потом... чем бы я доказала?

— Доказательства у вас были. Их и сейчас можно собрать.

— Мало...

— Решать, мало или достаточно, — это наше дело. Вы подумали о том, что оставляете безнаказанным преступника, в руки которого могут попасть новые жертвы?

— Я думала, конечно, об этом, но надеялась, что он испугается, перестанет...

— Теперь вы желаете, чтобы он был наказан?

— Да...

Я позвонил Бринчуку, попросил его приехать в прокуратуру. Он сказал, что плохо чувствует себя и явиться не может. Тогда я предложил ему встретиться в жилконторе. Он согласился, но не пришел. Квартира его оказалась закрытой. Со следующего дня он перестал отвечать на телефонные звонки и на работе больше не появлялся.

Пришлось возбудить дело без его объяснений. Вскрыли квартиру, сделали обыск, нашли записную книжку, в которой оказались адреса еще двух студенток и письма их родителей. Судя по письмам, Бринчук шел на все, чтобы не сесть в тюрьму. Он обещал жениться сразу на обеих девушках...

В поисках Бринчука я собрал жильцов дома, стал опрашивать, кто и что знает о нем и о его делах. Жильцы долго молчали. Потом одна женщина, соседка этого прохвоста, крикнула: «Он, хам, ночами покоя никому не давал! То возня у него, то стоны, то плач!» И пошло, и пошло... Я спросил: «Где же вы раньше-то были?» — и услышал в ответ: «В первую очередь на Бринчука должны были заявить его жилички». Железная логика... только кому она на пользу? И все-таки именно с их помощью я нашел его. Ночью он пытался проникнуть в квартиру, которую я после обыска закрыл на свой замок и опечатал. Соседи по лестнице слышали шум, позвонили в милицию...

Вспомнив дело Бринчука, я встал, попрощался с бабушкой и пошел на работу. Оно, это дело, тоже, наверное, приснилось бы, если бы не жена...

— Про какую же галиматью ты говорила? — спросил я у нее, чувствуя, что она еще не заснула.

— Отстань, скоро утро, — ответила она. — Кроме своей работы, ты ничего не знаешь, даже ночью. Сон тебе в руку, спи...

Владимир Плотников

ПОДАРОК

Если бы меня спросили, какое время суток я больше всего люблю, я бы ответил — вечер. Почему? Да потому, что только вечеромследователь получает возможность спокойно, не дергаясь, обмозговать результаты своей работы, спланировать ее на будущее и, если хотите, помечтать...

В тот вечер, о котором пойдет речь, я задержался на службе именно с этой целью. Попив чайку, настроив транзистор на музыкальную программу «Маяка», я разложил на столе накопившиеся за последние дни документы и принялся перечитывать их. Но вскоре мой покой был нарушен: в кабинет вошел прокурор.

— У меня прием,— сказал он. — Народу еще много. Выслушай одну гражданку. Ее обокрали. Похитили дорогостоящую золотую вещь.

— А почему бы эту гражданку не направить в милицию? — недовольно спросил я.

— Она уже была там. Ей не поверили. Днем мне звонил ее отец, известный полярник, просил вмешаться.

Я поморщился: работы и так невпроворот, а тут еще эти звоночки, пропади они пропадом...

— Ничего, сейчас твое настроение изменится,— поспешил успокоить меня прокурор и, открыв дверь, обратился к стоявшей в коридоре жалобщице: — Пожалуйста, заходите.

Порог кабинета робко переступила молодая, худенькая, как тростинка, женщина.

— Смелее, смелее, не стесняйтесь,— улыбнулся ей прокурор. — У нас жарковато... можете раздеться. Ну а если не хотите, то садитесь к столу, следователь выслушает вас и сделает все необходимое.

С этими словами он удалился, а женщина, расстегнув дубленку, нерешительно подошла ко мне.

— Ольга Борисовна, Оля,— представилась она и протянула руку.

Этот жест удивил меня своей непосредственностью, наивностью. Я поначалу растерялся, потом привстал, и мы обменялись рукопожатием.

Ольга Борисовна сняла с головы вязаную шапочку, села и, давая понять, что готова к ответам на вопросы, доверчиво посмотрела мне в глаза. А я, поймав ее чистый взгляд, вдруг подумал, что давно уже не встречал столь симпатичных женщин. Все в ее облике — и зачесанные назад вьющиеся русые волосы, и зеленоватые глаза в мохнатых темных ресницах, и едва заметный пушок над красивым ртом — гармонично дополняло друг друга и производило неизгладимое впечатление.

— Что привело вас к нам? — спросил я, боясь, что мое молчание может быть неправильно понято ею.

— Меня обокрали, — со вздохом ответила она. — Мы с мужем получили новую квартиру — он вот уже второй год находится в командировке, дома бывает редко, — и я решила переезжать одна. Заказала машину с грузчиками. Они приехали втроем: двое в годах, а один совсем молодой. Сразу забрать все не смогли. Поэтому я перевезла сначала ценные вещи, а пока они ездили за остальными, распаковывала хрусталь. Столовый поставила в сервант, а шкатулку, в которой я хранила золотую подвеску с изображением Нефертити, отнесла в спальню. Я поставила шкатулку на трюмо, открыла ее и залюбовалась. Потом пришла машина, я начала показывать грузчикам, что и куда заносить, и, только когда они уехали, вернулась в спальню. Шкатулка была пустой.

— Значит, кроме грузчиков ее никто украсть не мог? — спросил я.

— Да, больше в квартиру никто не заходил, — уверенно ответила Ольга Борисовна.

— Вы сами купили подвеску?

— Нет, это подарок.

— Папы?

— Мужа.

«Наверно, муж — тоже шишка какая-нибудь», — подумал я и продолжил разговор:

— Давно он вам подарил ее?

— Полгода назад, к трехлетию нашей свадьбы.

— Где он работает?

— В ремонтно-строительном управлении.

— А вы?

— Процедурной сестрой в поликлинике.

— Вы одногодки?

— Он на семь лет старше меня, ему тридцать пять.

— Известно ли вам, сколько стоила подвеска?

— Да, муж говорил, что заплатил за нее тысячу восемьсот рублей. Он копил деньги на машину, а потратил их на меня...

— Чек магазина у вас случайно не сохранился?

Она достала из кармана дубленки замшевый кошелек, открыла его и подала мне продолговатый листок, на котором каллиграфическим почерком сначала цифрами, затем прописью была выведена цена подвески, а ниже стоял штамп магазина.

Вопросы, интересовавшие меня, были исчерпаны. Я помог Ольге Борисовне написать заявление, приложил к нему чек и возбудил дело.

На следующий день я допросил ее. Она ничего добавить не смогла, попросила разрешения звонить, чтобы быть в курсе событий, и мы расстались.

Засучив рукава я приступил к работе. Допросил грузчиков — никакого толку. Двое из них оказались семейными, солидными людьми, третий был молод, жил в общежитии и пользовался неплохой репутацией как по месту жительства, так и на работе.

Вызвал грузчиков вторично, сделал обыски, еще раз допросил — безрезультатно. Нагрузил работой милицию в комиссионных и скупочных магазинах, объявил в розыск похищенную подвеску — и это ничего не дало. А время шло...

Ольга Борисовна вначале звонила каждую неделю.

— У вас есть что-нибудь новенькое? — спрашивала она своим нежным, певучим голосом, а я вздрагивал от этих вопросов и мямлил что-то в ответ.

Потом она стала звонить реже, а однажды, сняв трубку, я услышал сердитый мужской голос:

— С вами говорит муж Ольги Борисовны. Скажите, сколько еще вы будете вести следствие? Неужели среди трех грузчиков невозможно найти вора? Это все равно что в трех соснах заблудиться!

Я попросил его набраться терпения и ждать, но он названивал мне все чаще и чаще. И в конце концов пригрозил, что будет добиваться передачи дела другому следователю, раз я оказался настолько беспомощным.

Прокурор, поначалу довольный моими действиями, со временем тоже стал нервничать.

— Что тебе нужно, чтобы найти преступника? — спрашивал он всякий раз, как только мы заговаривали о деле.

— Не знаю,— отвечал я, потому что действительно не видел перед собой никакой перспективы.

Как-то прокурор зашел ко мне и объявил:

— Вот что: я заберу у тебя часть дел, поручу их другим. А это, с Нефертити, кровь из носу, но чтобы было раскрыто! На карту поставлен престиж прокуратуры. Ясно тебе?!

Мне все было ясно. Я готов был просиживать в прокуратуре не только вечера, но и ночи, только бы найти выход из тупика.

Однажды, коротая вот так, впустую, драгоценное время, я вспомнил свою первую встречу с Ольгой Борисовной и вдруг подумал, что у молодого неженатого грузчика есть, наверное, своя Нефертити, достойная дорогого и красивого подарка.

Я навел справки о нем, узнал, что в Курске его и вправду ждет невеста, и спустя две недели получил от курской милиции сообщение, подтверждавшее правильность моего предположения. Еще через неделю мне доставили украденную подвеску. Ольге Борисовне я сообщил об этом по телефону. Наш разговор оказался коротким и довольно сухим.

Больше я с ней не разговаривал. Несколько дней спустя я передал дело в суд, страсти, так долго бушевавшие вокруг него, наконец улеглись, и милый облик Ольги Борисовны стал постепенно стираться в моей памяти.

...Прошел год. Я работал уже в другой районной прокуратуре, и совсем другой прокурор попросил меня почитать материалы о хищении кровельного железа и масляной краски с одного из райцентровских объектов. Случай, о котором шла речь, был предельно прост: прораб Бычков продал двум садоводам-любителям 113 листов железа и 4 бидона краски. Покупатели погрузили добычу в машину и пытались вывезти ее с территории объекта, но были задержаны сотрудниками милиции. Комиссия проверила хозяйственную деятельность прораба, провела инвентаризацию материальных ценностей, но никаких отклонений от учетных данных не выявила, все у него было в ажуре. А прокурору во что бы то ни стало хотелось узнать, каким секретом пользовался Бычков для столь умелого воровства, не занимался ли он им ранее. Вот почему, прочитав материалы, я в первую очередь вызвал прораба.

Была зима. Бычков пришел ко мне в изрядно поношенном полушубке, шапке-ушанке, ватных брюках и

валенках — здоровый чернявый мужик лет под сорок, круглолицый, немного обросший, с красноватыми то ли от простуды, то ли по другим причинам белками глаз. Войдя в кабинет, он расплылся в улыбке:

— Вот это судьба! Я прочитал на двери вашу фамилию и глазам не поверил. Не зря говорят — мир тесен!

Я смотрел на Бычкова и ничего не понимал. Ни фамилия, ни внешность его мне ничего не говорили. Подойдя тем временем к моему столу, прораб протянул мне руку:

— Здравствуйте! Вы давно перебрались сюда? Как вам работается на новом месте?

— Простите,— ответил я. — Откуда вы меня знаете?

— Как откуда? Помните дело о краже золотой подвески? Мы с вами тогда не виделись, но заочно были знакомы... Я муж Ольги. Правда, у меня другая фамилия.

Слова Бычкова подействовали на меня как холодный душ. Я сразу вспомнил Ольгу Борисовну и все, что было связано с ней. Вспомнил и подумал: неужели этот приветливый, дружелюбный человек и хам, допекавший меня по телефону,— одно и то же лицо?

А Бычков, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Вы сделали для нас тогда доброе дело. Да, доброе! И Ольга, и я — мы оба часто вспоминали вас с благодарностью, собирались в гости пригласить... Не получилось. Работа, командировки... Может быть, теперь выберете времечко? Встретим вас как самого дорогого гостя. Давайте, а?

— Благодарю,— ответил я. — Но приглашение ваше принять не могу.

— Жаль,— вздохнул Бычков. — Я понимаю... Обстановка не та. Черт меня попутал. Не смог отказать прилипалам. — Он немного помолчал, потом снова заулыбался: — Может быть, сделаете для нас еще одно доброе дело, последнее? Век помнить будем...

— Какое? — спросил я.

— Может, простите мне грех? Случай ведь... Больше не было: Железо и краски на месте, недостачи нет. Если нужно — попрошу кого-нибудь из чинов... Заступятся, письмо напишут. Я им городишко-то за год новым сделал.

— Не пойдут они на это...

— Пойдут! Квартыры ремонтировал, не откажутся...

— Вот как? А материалы где брали?

Бычков самодовольно посмотрел на меня:

— У хорошего хозяина всегда резерв найдется. И нет тут никакого особенного секрета. Отпускают мне, к примеру, железо — на кровлю или на карнизы. Но есть карнизы как сито, эти менять надо. А есть целые. Их можно оставить. И рабочие не в обиде, зарабатывают неплохо. Так и с краской — где два раза пройтись надо, а где достаточно и одного. Вы, кстати, давно у себя ремонт делали?

— Это, Бычков, к делу не относится.

— Ну зачем так официально? Я бы помог...

— Надо подумать, надо подумать, — уклончиво ответил я и встал. — Давайте отложим решение этого вопроса до завтра. Утром приходите, поговорим.

— Мне бы хотелось, чтобы у нас сохранились хорошие отношения, — повторил на прощание Бычков. — Люди должны помогать друг другу...

Он поднялся со стула, снова подал мне руку, и я не смог оставить ее висящей в воздухе, хотя знал уже, что имею дело с матерым дельцом.

Когда он ушел, я вынес постановление о возбуждении уголовного дела и подготовил письмо в контрольно-ревизионное управление с просьбой обследовать все дома, которые ремонтировал Бычков, и определить количество излишне списанных строительных материалов. А утром я объявил ему, что намерен произвести обыск в его квартире и наложить арест на имущество.

Ольга Борисовна была дома. Она удивленно посмотрела на нас, на понятых, пригласила в гостиную. Однако обыск я начал со спальни... В ней я нашел золотую подвеску с изображением Нефертити, много перстней, цепочек и серег.

По мере того как я доставал драгоценности из шкапуток, стоявших на трюмо, Ольга Борисовна говорила:

— Это подарок мужа ко дню моего рождения, а это — к годовщине свадьбы, это — к Новому году, к Восьмому марта...

— Дура, дура! — хрипел в стороне Бычков.

Обыск длился несколько часов. Заканчивая его, я объявил хозяевам квартиры, что все обнаруженные у них драгоценности мне придется забрать и сдать на хранение в Госбанк до решения следственных или судебных органов. Хозяева не проронили ни слова.

Владимир Плотников

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Беляков. КОЛЛЕКТИВ И СТЫЖАТЕЛИ: диалог с читателем</i>	3
<i>Дмитрий и Анатолий Шестаковы. ЕЛИСЕЕВСКАЯ ДАЧА</i> ,	14
<i>Татьяна Бутовская. ЛОВКАЧ... НЕУДАЧНИК?</i>	26
<i>Элла Фонякова. ГРАЦИИ, СИНЬОРА!</i> ,	44
<i>Владимир Плотников. ВО СНЕ И НАЯВУ</i> ,	47
ПОДАРОК	56

По наклонной [Сост. В. А. Беляков, М. Е. Скры-
П11 бин]. — Л.: Лениздат, 1987. — 62 с., ил. — (Б-чка
«На страже закона»).

Авторы вскрывают истоки иждивенческих настроений и взглядов, показывают на конкретных примерах, как лица, вставшие на путь паразитического существования за счет общества, нередко скатываются к совершению более тяжких преступлений.

Рассчитана на массового читателя.

П $\frac{1203150000-267}{M171(03)-87}$ 115—87

67.99(2)116.1

ПО НАКЛОННОЙ

Составители:

*Виктор Александрович Беляков,
Михаил Евгеньевич Скрыбин*

Заведующий редакцией *Ю. К. Хрящев*
Редактор *И. В. Петрова*
Художник *А. В. Сергеев*
Художественный редактор *В. А. Баканов*
Технический редактор *И. В. Буздалева*
Корректор *В. Д. Чаленко*

ИБ № 3910

Сдано в набор 14.05.87. Подписано к печати 14.07.87. М-35728. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,45. Тираж 200 000 экз. Заказ № 173. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023 Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

**В 1987 году
в Лениздате
выйдут:**

**Носенков В. Р.
Неделя в конце лета**

Эта книга — о буднях ленинградской милиции. Она повествует о благородной, подчас опасной работе стражей общественного порядка, о деятельности сотрудников уголовного розыска, разоблачающих самых хитрых и изворотливых преступников.

**Полудняков В. И.
Суд продолжает прием**

Книга председателя Ленинградского городского суда В. И. Полуднякова — это раздумья о преодолении правонарушений, перевоспитании оступившихся, проблемах человеческих отношений, взаимосвязи человека и закона. Автор также консультирует читателей по наиболее распространенным категориям судебных дел, с которыми люди чаще всего обращаются к народному судье, знакомит с образцами часто встречающихся исковых заявлений граждан.

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

ПО НАКЛОННОЙ

В. А. БЕЛЯКОВ

**Коллектив и стяжатели:
диалог с читателем**

ДМИТРИЙ И АНАТОЛИЙ ШЕСТАКОВЫ

Елисеевская дача

ТАТЬЯНА БУТОВСКАЯ

Ловкач... неудачник?

ЭЛЛА ФОНЯКОВА

Грации, синьора !

ВЛАДИМИР ПЛОТНИКОВ

**Во сне и наяву
Подарок**

Лениздат 1987

20 коп.